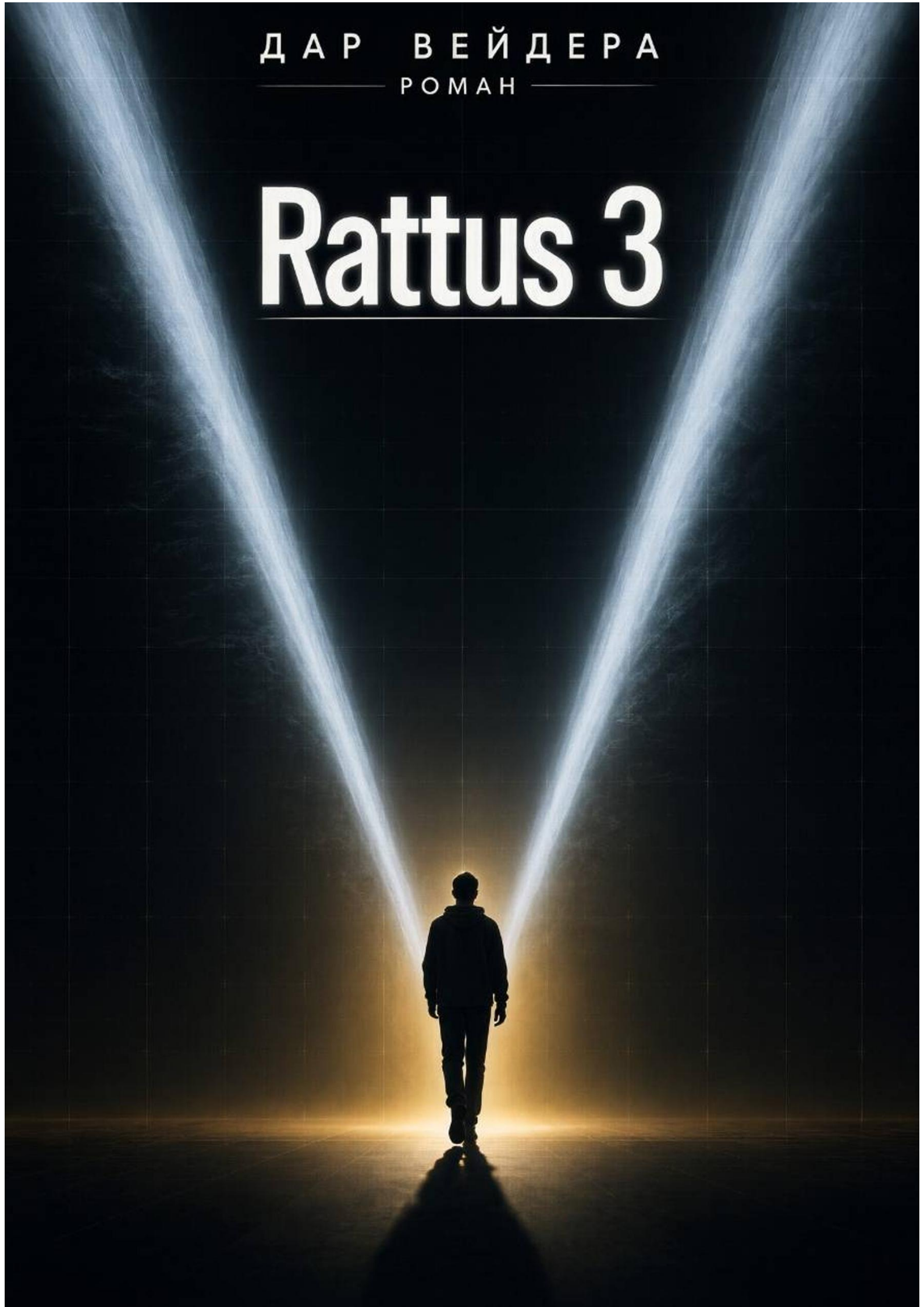
ДАР ВЕЙДЕРА

РОМАН

Rattus 3



Дар Вейдера

Rattus 3

«Автор»
2026

Вейдера Д.

Rattus 3 / Д. Вейдера — «Автор», 2026

— Скажи, что ты чувствуешь.— Я чувствую, что они столкнутся. Три силы, у каждой есть то, чего нет у других, и каждая боится, что две другие объединятся против неё. И ещё— И ещё?— Им страшно. Всем троим. Это видно даже отсюда.— Три стороны и один ресурс, — сказал Высший. — Две силы могут застыть друг против друга, как два камня в арке. Три не застывают никогда. Кто-то всегда работает. Кто-то всегда ест.— Ты говоришь о них так, будтоНаблюдатель не договорил. Высший не стал помогать ему закончить. — Мы не начинаем их войн. Мы не выбираем за них сторону. Мы смотрим и записываем. Всё.— А если на этот раз они— На этот раз у нас нет следующего раза.Снизу никто не знал, что на них смотрят. Это было условием.

© Вейдера Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Rattus 3 5
Содержание 6
Пролог. Точка наблюдения 8
Эпизод I. Чертёж 11
Часть первая. Передел 13
Эпизод II. Зерно 19
Глава 2. Континент, который проснулся 22
Эпизод III. Мера 28
Глава 3. Весы 31
Триада 37
Глава 4. Война без линии фронта 38
Глава 5. Шестой уклад 43
Глава 6. Ядерный порог 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Дар Вейдера
Rattus 3

Rattus 3

Дар Вейдера

Содержание

• Пролог. Точка наблюдения
• Эпизод I. Чертёж
•
Часть первая. Передел

Глава 1. Карта, которую перерисовали
Эпизод II. Зерно
Глава 2. Континент, который проснулся
Эпизод III. Мера
Глава 3. Весы
Врезка «Триада»
Глава 4. Война без линии фронта
Глава 5. Шестой уклад
Глава 6. Ядерный порог
Глава 7. Тихая чума

•
Часть вторая. Равновесие

Глава 8. Союзы на песке
Эпизод IV. Вопрос
Глава 9. Арифметика баланса
Глава 10. Экономика выжженной земли
Глава 11. Заговор
Эпизод V. Горизонт
Глава 12. Новое оружие
Глава 13. Половина

• Врезка «Вселенная-25»
•
Часть третья. Устав

Глава 14. Предел эскалации
Глава 15. Переговоры
Глава 16. Свод правил сосуществования
Глава 17. Контуры глобального правительства

•
Часть четвёртая. Ультиматум

Глава 18. Сигнал
Глава 19. Доктрина
Глава 20. Демонстрация
Глава 21. Кто наблюдает

•

Часть пятая. Раскол

Глава 22. Война по приказу
Глава 23. Сговор
Глава 24. Сомнение Наблюдателя
Глава 25. Другие голоса
Глава 26. Раскол
Эпилог. Открытое небо

Пролог. Точка наблюдения

Rattus3. Срез 318. Носители вышли к порогу шестого уклада. Формируется конфигурация «три стороны, один ресурс». Наблюдательному составу — пробуждение. — Журнал Коллегии

Пробуждение заняло одиннадцать дней, и Наблюдатель запомнил из них немногое. Сначала вернулся холод. Потом — понимание, что холод бывает только у тела. Потом само тело, тяжёлое и непослушное, как одежда, которую долго носил кто-то другой. Имя вернулось последним. Это было не имя, а должность, и он не помнил, было ли у него когда-нибудь другое.

Высший ждал у окна. Окном это называли по старой привычке: стена, прозрачная настолько, что её не было видно, а за ней — темнота и одна голубая точка, слишком яркая, чтобы смотреть на неё долго.

— Сколько я спал? — спросил Наблюдатель. Голос ещё не слушался.

— Восемьдесят пять лет по их счёту. — Высший не обернулся. — В прошлый раз тебя разбудили на вспышку. Помнишь?

Наблюдатель помнил. Белый свет над пустыней, который на мгновение сделал ночь днём. И человека внизу, который смотрел на этот свет сквозь закопчённое стекло и не мог перестать смотреть.

— Помню, — сказал он.

— Хорошо. Здесь важно помнить.

С этой высоты Земля не была похожа на поле боя.

Она была похожа на то, чем была всегда: на голубой шар, наполовину погружённый в тень. Ночная сторона светилась. Огни городов лежали цепочками вдоль побережий, густели в дельтах рек, тянулись вдоль железных дорог через континенты, как нервы под кожей. Было первое января. По их счёту — две тысячи тридцатый год.

— Они любят круглые числа, — сказал Наблюдатель.

— Все носители любят круглые числа. Им кажется, что время состоит из отрезков. Время состоит из решений. Отрезки придумывают потом, чтобы было на что повесить память.

— Ты обещал объяснить, почему нас разбудили именно сейчас.

— Я обещал, что ты поймёшь сам. Это разные вещи. Скажи, что ты видишь.

Наблюдатель смотрел. Взгляд — если это был взгляд — проходил сквозь облака, сквозь бетон и сталь, сквозь потоки данных на дне океанов. Делала это аппаратура, но он так и не разучился думать, что смотрит сам.

— Я вижу мир, который перестал быть единым, — сказал он. — Тридцать лет они строили общую систему: один рынок, одни деньги, одни правила. Каждый город зависел от сотни городов на другом краю планеты. Потом система треснула — сначала по краям, потом посередине. Теперь каждый тянет одеяло на себя, а одеяло рвётся.

— Дальше.

— Старые центры силы слабеют. Восточная империя, которую все считали следующим хозяином мира, стареет быстрее, чем богатеет. Европа замерзает в собственных правилах. А три точки растут.

— Назови.

— Север, Запад, Юг.

Если бы это видел человек, он увидел бы три тусклых пятна на теле планеты. Они не совпадали ни с огнями городов, ни с границами на картах. Аппаратура отмечала так не территории, а давление: места, где решения немногих меняют жизнь всех остальных.

— Север — огромная холодная страна, — сказал Наблюдатель. — Всегда слишком большая для своего населения и слишком богатая для своего спокойствия. У неё есть то, без чего не живёт ни одна промышленность: энергия, металл, хлеб. В прошлом году она собрала сто сорок восемь миллионов тонн зерна и впервые поняла, что хлеб — это оружие.

— Запад.

— Страна-остров, хотя стоит на материке. Её защищают два океана. Она думает быстрее всех: у неё лучшие машины для счёта и лучшие машины для мысли. Она научилась входить в головы. Не силой — словом.

— Юг.

— Континент, который все считали прошлым, а он оказался будущим. Сорок одна страна подписала акт о слиянии, и многие смеялись, что это продержится до первой засухи. Это держится. У Юга самая молодая кровь на планете и земля, в которой лежит большая часть того, из чего делают будущее.

— Ты видишь правильно, — сказал Высший. — Теперь скажи, что ты чувствуешь.

Вопрос был почти неприличным. Там, откуда они пришли, таких вопросов не задавали: чувство считалось погрешностью измерения. Но Высший задал его ровным голосом, как задают вопрос прибору, и Наблюдатель понял, что это и есть измерение.

— Я чувствую, что они столкнутся, — сказал он. — Не завтра. Может быть, через год. Три силы, у каждой есть то, чего нет у других, и каждая боится, что две другие объединятся против неё. Ресурсов меньше, чем требуется. Терпения меньше, чем ресурсов. И ещё…

— И ещё?

— Им страшно. Всем троим. Это видно даже отсюда.

— Три стороны и один ресурс, — сказал Высший. — Самая старая конфигурация из всех, что мы знаем. Две силы могут застыть друг против друга, как два камня в арке. Три не застывают никогда. Кто-то всегда работает. Кто-то всегда ест.

— Ты говоришь о них так, будто…

Наблюдатель не договорил. Высший не стал помогать ему закончить.

— Напомню закон, — сказал он вместо этого. — Мы не начинаем их войн. Мы не выбираем за них сторону. Мы не даём им оружия и не отнимаем его. Мы смотрим и записываем. Всё.

— А если на этот раз они…

— На этот раз, — сказал Высший, — у нас нет следующего раза.

Наблюдатель ждал, что он объяснит. Высший не объяснил.

Солнце поднималось над Тихим океаном, и граница света ползла по планете, как медленное лезвие. Она прошла над Камчаткой, над пустыми портами, над огромным южным городом в дельте Жемчужной реки, где ещё горели ночные огни.

Наблюдатель задержался там дольше, чем требовалось.

На двенадцатом этаже одного из бесчисленных домов на балконе стояла девочка лет десяти. Новогодний салют давно кончился, внизу дворник сметал красную бумагу, а она всё стояла, запрокинув голову, и смотрела туда, где не осталось ничего, кроме бледнеющего неба.

— Ты задержался, — сказал Высший.

— Мне показалось, что она смотрит на нас.

— Они все смотрят вверх, когда не спят. Это ничего не значит.

Наблюдатель не ответил. В углу его поля зрения сама собой открылась строка журнала, короткая и служебная, одна из миллионов:

Линия 3-17. Поколение 1 523. Носитель: женщина, 10 лет. Статус: наблюдение продолжается.

Он знал эту линию. Он вёл её с самого начала — с той зимы, когда река встала раньше срока и человек в шкурах нашёл на её берегу то, чего не должен был понять. С тех пор сменилась тысяча пятьсот двадцать три поколения. Ожидаемый срок верного прочтения, записанный в первой строке протокола, истёк как раз сейчас.

— Я хочу посмотреть на неё ещё, — сказал он.

— Посмотришь, — ответил Высший. — Ты будешь смотреть на них всех. Это всё, что нам разрешено.

Девочка на балконе поёжилась и ушла в комнату. В Вашингтоне человек без окон в кабинете читал отчёт о том, как меняется настроение чужого города после трёх недель правильно подобранных слухов. В Аддис-Абебе люди в дорогих костюмах и военной форме делили квоты на кобальт. По Северному морскому пути шёл атомный ледокол, и за ним тянулся караван с зерном. Восемь миллиардов четыреста миллионов человек просыпались или засыпали, и каждый думал, что живёт обычный день.

Снизу никто не знал, что на них смотрят. Это было условием.

Эпизод I. Чертёж

Линия 3-17, поколение 1. Носитель обнаружил подсказку № 4: схема планетной системы, третья орбита отмечена. Ожидаемое верное прочтение — не ранее чем через 1 500 поколений. Наблюдение продолжается. — Журнал Коллегии, запись 0001

Он не знал чисел, но знал огонь.

Огонь нельзя оставлять одного. Огонь ест кости и жир, и за это не пускает в жилище холод и волков. Огню надо отдавать лучшее из того, что нельзя съесть, иначе он обидится и уйдёт. Это не была вера. Это было так же очевидно, как то, что лёд тонкий у берега и толстый посередине, и что старик, который решает, куда идти весной, всегда прав.

Их жилища стояли под меловым склоном, там, где стояли всегда. Черепа больших зверей в основании, лопатки и бивни сверху, шкуры поверх всего. Внутри пахло дымом, жиром, мокрой шерстью и детьми. Снаружи пахло ничем: зимой холод забирает запахи себе.

Река встала в ту ночь, когда ушёл раненый олень, и утром он перешёл её по льду один. В стойбище ждали восемь ртов. Олень оставил на снегу кровь, и по крови было видно, что далеко он не уйдёт. Олень ушёл далеко. Он шёл за ним до полудня, потерял след у обрыва и, прежде чем повернуть назад, остановился перевести дух.

Под обрывом весенняя вода когда-то подмыла берег, и из серой глины торчал край чего-то плоского. Он решил, что это кость, и потянул. Кость не поддалась, а потом вышла вся сразу: круг шириной в ладонь, гладкий, как лёд, но не холодный. Тяжелее камня той же величины и легче, чем должен был быть. Он ударил им о валун. На валуне осталась белая царапина. На круге — ничего.

На одной стороне были линии. Не трещины и не следы зубов — кольца, одно внутри другого, тонкие и ровные, каких не оставляют ни рука, ни вода. Много колец — больше, чем пальцев на одной руке. В середине — точка, глубже остальных. На каждом кольце — крошечная ямка, и только одна, на третьем кольце от середины, обведена ещё одним маленьким кругом.

Он смотрел долго и ничего не понял. Это он запомнил: что ничего не понял. Чувство было новым и неприятным, как заноза, которой не видно.

В стойбище круг передавали из рук в руки до темноты. Старик сказал, что вещи, которые не ломаются, приходят снизу, из-под земли, и их надо возвращать: бросить в прорубь, пока не поздно. Женщина, которая лечила, сказала, что середина круга — солнце, а кольца — зимы, которые оно обходит, и что круг надо положить у огня, чтобы солнце не ушло совсем. Каждый увидел в нём то, чего боялся или хотел. Он молчал. Ему не нравилось ни то ни другое, а своего у него ещё не было.

Своё пришло через три дня. Потеплело, у входа в жилище натаяла лужа, и его дочь, совсем маленькая, бросила в неё камешек. По воде пошли кольца — одно внутри другого, ровные, с точкой в середине, там, где упал камень.

Он сел на корточки над лужей и сидел, пока кольца не исчезли. Потом попросил дочь бросить ещё.

Кто-то бросил камень в небо, понял он. Небо — вода, только твёрдая и далёкая, и по нему пошли круги. Середина — то место, куда упал камень. А обведённая ямка на третьем кругу — это они: стойбище, река, олени, все. Тот, кто бросил, отметил их. Он их видел.

Это было неправдой во всём, кроме одного. Но этого одного он не мог знать, а те, кто мог, сочли это ошибкой.

Он захотел увидеть того, кто бросил.

У него не было для этого ничего, кроме рук, и он взял кусок бивня. Он резал несколько ночей при огне, и из бивня вышел человек с поднятой рукой — так стоят, когда только что бросили и смотрят, куда упало. Лицо не получалось. Он вырезал лицо старика — вышел старик. Сточил, вырезал лицо женщины, которая лечила, — вышла она. Каждое лицо, которое он умел, было лицом того, кого он видел, а того, кто бросил, он не видел никогда. В конце концов он стесал голову гладко, до белого, и оставил так.

Фигурку поставили у огня. Круг положили у её ног.

Старик выждал до первой оттепели. Когда все ушли к реке, он взял круг и бросил его в прорубь — туда, откуда, по его словам, такие вещи приходят.

Он нырнул за ним сразу, не думая, — в чёрную воду подо льдом, в одежде. Холод ударил так, что он перестал чувствовать руки, но руки нашли круг сами. Это было самое неразумное, что делал человек в этой долине за всю её память: рисковать жизнью кормильца ради вещи, которую нельзя съесть, надеть или обменять. Его вытащили женщины — синего, с кругом, вмёрзшим в пальцы. Два пальца на левой руке отогреть не удалось.

После этого никто больше не спорил, чем был круг. Если человек отдал за вещь пальцы, вещь стоила пальцев. Старику перестали приносить лучшую долю мяса. Её стали оставлять у огня, перед фигуркой без лица, и дети смотрели на неё голодными глазами. Он это видел и не мешал. Он не знал, как помешать тому, что сам начал.

Весной, когда кочевали на север, он нёс фигурку за пазухой, а по ночам учил дочь смотреть вверх.

— Где он? — спросила она однажды.

Он показал на небо беспалой рукой.

— Там. Он смотрит.

Это тоже было правдой.

Он умер через одиннадцать зим. Круг положили ему в могилу, на грудь, а фигурку дочь оставила себе. Когда у неё родились свои дети, она пела им на ночь то, что помнила от отца. Слов было немного, и они все были простые:

Кто-то бросил камень в небо.

По небу пошли круги.

Мы на третьем, мы у огня.

Спи. Он видит. Он не спит.

И учила их смотреть вверх.

Линия 3-17, поколение 1. Прочтение: неверное. Носитель приписал схеме автора и изготовил его изображение; лицо изображения не определено. Подсказка № 4 утрачена (захоронена с носителем). Побочный эффект: перераспределение пищи в пользу изображения. Возникла устная формула (колыбельная), передаётся детям. Передача линии: дочь. Рекомендация: продолжить наблюдение.

Примечание Н.: он угадал главное.

Примечание отклонено.

— Журнал Коллегии, запись 0002

Часть первая. Передел
Глава 1. Карта, которую перерисовали

В 2030 году объём мировой торговли составил 58% от уровня 2024 года в постоянных ценах. Настоящий доклад является последним: понятие «мировая экономика» утратило статистический смысл, поскольку исчез сам предмет наблюдения. — Заключительный годовой доклад Банка международных расчётов, Базель, 30 июня 2030 г.

— Они измеряют силу размером, — сказал Наблюдатель. — Число людей, площадь земли, сумма всего, что сделано за год.

— Они измеряли так, пока жили в одном доме, — ответил Высший. — Когда дом общий, неважно, у кого кухня, а у кого колодец. Теперь дом разделили стенами. Посмотри, кто остался без кухни.

Мировая система умерла не в один день. Она умирала так, как умирают старые деревья: долго изнутри и очень быстро снаружи.

К 2026 году совокупный долг правительств, корпораций и домохозяйств планеты достиг 340% мирового продукта. Это число повторяли в докладах пятнадцать лет подряд, и пятнадцать лет подряд ничего не случалось, поэтому к нему привыкли, как привыкают к трещине в потолке. В сентябре 2026 года на очередном аукционе десятилетних облигаций казначейства США не нашлось покупателей на треть предложенного объёма. Доходность за три недели подскочила с 4,9 до 7,8%. Деньги, которые десятилетиями текли в Америку как в самое безопасное место на Земле, вдруг потекли обратно — и выяснилось, что безопасного места нет. За восемнадцать месяцев объявили дефолт двадцать шесть государств. В 2027 году обрушился китайский рынок недвижимости — не осел, как оседал уже лет пять, а именно обрушился, похоронив под собой сбережения трёхсот миллионов семей. Каждое правительство спасало своих, и каждое спасало за счёт чужих: пошлины, квоты, запреты на вывоз, валютный контроль.

Всемирная торговая организация к тому времени уже была мертва. Её апелляционный орган не работал с 2019 года, а в 2027-м Вашингтон официально вышел из соглашения. Здание в Женеве ещё два года отапливали по инерции, потом продали под гостиницу.

Последний гвоздь вбил Тайвань. Сорок семь дней морской блокады осенью 2028 года, ракетные стрельбы, переговоры, сорванные на рассвете, — и пожар. Ключевые фабрики полупроводников в Синьчжу и Тайнане, где делалось девять из десяти самых передовых чипов мира, перестали существовать. Кто именно их уничтожил — китайские ракеты, американские диверсионные группы или сами тайваньцы по давно утверждённому плану «выжженной кремниевой земли», — так и не установили. Каждая сторона обвиняла другую, и у каждой были доказательства. В ответ на блокаду США и их союзники ввели то, что в официальных документах называлось «карантином», а во всех остальных — блокадой: контроль над танкерами и сухогрузами, идущими в Китай через Малаккский пролив и Индийский океан.

К 2030 году карта мира выглядела так, словно её разрезали ножницами, а потом склеили неправильно.

На западе лежала долларовая зона: США, Канада, Мексика, которую никто не спрашивал, Британия, Западная Европа, Япония, Южная Корея, Австралия. Расчёты шли в цифровом долларе, и каждая транзакция проходила через серверы в Вирджинии. На севере сложился Северный контур: Россия, Беларусь, Казахстан, большая часть Средней Азии, Монголия, Иран. Здесь расчёты велись в рублях, привязанных к корзине из зерна, нефти и металлов, — в Москве эти деньги уже называли «ресурсным рублём». На юге, от Каира до Кейптауна, поднималась афрозона новорождённого Африканского Союза. А всё остальное — Китай, Индия, Юго-Восточная

Азия, Ближний Восток, Латинская Америка — стало серой зоной, где торговали бартером, золотом и тем, что удавалось провезти мимо чужих кораблей.

Цены больше не были мировыми. Баррель нефти в Роттердаме стоил 138 долларов, в Новороссийске для покупателей из Северного контура — сумму в рублях, эквивалентную 55. Тонна пшеницы в Чикаго — 410 долларов, в Роттердаме — 520, в Каире — 690, в Карачи её нельзя было купить ни за какие деньги. Сорокафутовый контейнер из Шанхая в Роттердам, который в 2019 году обходился в полторы тысячи долларов, теперь стоил четырнадцать тысяч, и ещё шесть процентов стоимости груза съедала страховка от «военных рисков» в Индийском океане.

Мир, в котором всё можно было купить, кончился. Начался мир, в котором имело значение только одно: что у тебя есть своё.

Чжоу Вэйминь работал крановщиком в глубоководном порту Яншань двадцать два года. Он помнил времена, когда порт принимал по пятьдесят миллионов контейнеров в год, когда суда стояли на рейде в очередь, как такси у вокзала, а он сам поднимался в кабину на высоте пятидесяти метров в шесть утра и спускался в шесть вечера с затёкшей спиной и ощущением, что держит в руках весь мир.

В октябре 2030 года порт работал на тридцать один процент от уровня 2024-го. Из ста восьми кранов на смену выходили тридцать четыре. Остальные стояли, повернув стрелы в одну сторону — так их ставили на случай тайфуна, а тайфуном теперь была сама жизнь. Чжоу работал три дня в неделю и получал шестьдесят процентов прежней зарплаты. Ему повезло: молодых уволили первыми.

Вечером он возвращался в квартиру в Пудуне, купленную в 2019 году за четыре миллиона двести тысяч юаней. Теперь за неё давали миллион шестьсот, но покупателей не было и по этой цене, а банку он оставался должен два миллиона триста. Его сын, инженер-программист двадцати девяти лет, второй год жил с родителями и рассылал резюме. Жениться сын не собирался. «На что, папа? — говорил он. — Чтобы мой ребёнок тоже жил в твоей комнате?»

Чжоу не спорил. Он смотрел из окна на тёмную воду Хуанпу, по которой когда-то ночь напролёт шли баржи, и думал, что он, наверное, последний крановщик в своей семье. А может быть, и вообще последний.

Ещё в 2020 году почти никто не сомневался, что двадцать первый век будет китайским. Самая большая промышленность, самая большая армия, самый большой рынок, полтора миллиарда трудолюбивых людей. Аналитики спорили только о том, когда — в 2030-м или в 2035-м — Китай обгонит США по размеру экономики.

Он не обогнал. И причин было не одна, а шесть, и каждая из них в одиночку могла бы остановить страну. Вместе они её сломали.

Первая — демография. Между 2020 и 2030 годами население трудоспособного возраста сократилось на сорок один миллион человек. Медианный возраст поднялся до сорока двух лет — выше, чем в США. Китай постарел, не успев разбогатеть: на одного пенсионера приходилось уже меньше трёх работающих, а пенсионная система провинций была пуста, как заброшенный амбар.

Вторая — долг. Местные правительства десятилетиями жили продажей земли под застройку. Когда в 2027 году рынок недвижимости рухнул, у них исчез главный источник дохода, а долги их финансовых компаний, превышавшие девяносто триллионов юаней, остались. Строительство, дававшее до четверти экономики, сократилось вдвое. Экономисты называли это «потерянным десятилетием» и честно признавали, что десятилетием дело, скорее всего, не ограничится.

Третья — смерть экспортной модели. Китай был мастерской мира, а мастерской нужен мир, который покупает. Долларовая зона ввела пошлины от шестидесяти до двухсот процен-

тов, Северный контур брал китайские товары, но платил зерном и нефтью в объёмах, которых не хватало и на треть. Доля экспорта в экономике упала с двадцати процентов до девяти. Миллионы рабочих мест на побережье исчезли за три года.

Четвёртая — и самая страшная — уязвимость. Китай импортировал около семидесяти процентов нефти, и почти вся она шла морем. Он ввозил сто миллионов тонн соевых бобов в год — без них не было бы ни свинины, ни курятины, ни масла. После «карантина» 2028 года танкеры шли в китайские порты только под нейтральными флагами, с задержками, с досмотрами, по ценам вдвое выше мировых. Трубопроводы из России, Казахстана и Туркмении покрывали едва ли пятую часть потребности в нефти и газе. Железные дороги через Евразию не могли заменить океан: один контейнеровоз везёт столько, сколько четыреста поездов. Китайский флот был огромен, но строился для обороны своих берегов, под прикрытием береговой авиации. В трёх тысячах километров от дома, у Малаккского пролива, он становился мишенью.

Пятая — технологии. С гибелью тайваньских фабрик и под американскими запретами Китай застрял. Его собственные заводы делали чипы на два-три поколения хуже передовых и с таким процентом брака, что каждый работающий процессор был втрое дороже американского. Вычислительные мощности для искусственного интеллекта, которыми располагала страна, к 2030 году составляли примерно одну двенадцатую американских. Без этих мощностей нельзя было войти в новый технологический уклад — в мир, где решают алгоритмы, синтетические организмы и машины, думающие быстрее человека.

Шестая — сама страна начинала расходиться по швам. Северо-восточные провинции всё больше жили торговлей с Россией — по Амуру, по трубам, по железной дороге через Забайкальск. Южное побережье, Гуанчжоу и Шэньчжэнь, жило остатками торговли с долларовой зоной и тайно договаривалось с Вашингтоном о «специальных экономических коридорах». Пекин издавал указы, провинции их исполняли на бумаге. Через два года эта трещина станет границей, но в 2030 году её ещё называли «региональной спецификой».

Шестьсот ядерных боеголовок у Китая оставались. Они надёжно защищали страну от вторжения. Но они не могли защитить её от голода, от старости, от пустых портов и от собственных провинций.

Китай перестал быть игроком. Он стал призом — самой большой мастерской и самым большим рынком на планете, за который теперь будут бороться другие.

Йенс Хартман прожил сорок четыре года в Швайнфурте, в Баварии, и двадцать из них проработал на заводе семейной компании «Кесслер Антриб», делавшей промышленные редукторы — скучные, тяжёлые, безупречные, такие, какими гордилась немецкая промышленность сто пятьдесят лет.

В 2025 году киловатт-час для завода стоил двадцать восемь евроцентов. В 2027-м, после того как последние контракты на газ были расторгнуты, а новые терминалы для сжиженного газа так и не обеспечили обещанных объёмов, — сорок один. В Техасе он стоил четыре цента. Американское правительство давало каждому переезжающему промышленнику налоговые каникулы на десять лет, бесплатную землю и субсидию в тридцать процентов стоимости нового оборудования. Совет директоров «Кесслера» думал ровно одно заседание.

Теперь Хартман работал главным инженером завода под Сан-Антонио. Новый цех был втрое больше старого и обходился вчетверо меньшим числом людей: шестьдесят процентов операций выполняли роботы. Из двух тысяч трёхсот работников швайнфуртского завода в Техас переехали сто двенадцать. Остальные остались в Баварии, где на месте цехов теперь стоял логистический склад.

Иногда по вечерам Хартман звонил матери. Она жила в том же доме, где он вырос, и каждый раз рассказывала, что в городе снова отключали электричество на четыре часа, что в

соседнем квартале поселили сирийцев и суданцев, что пенсию опять «заморозили». Он слушал и смотрел в окно на техасскую ночь, тёплую, сухую и чужую. Он не жалел, что уехал. Он жалел, что уезжать пришлось.

Европа проиграла не войну. Она проиграла счёт за электричество.

Энергетический обвал 2026–2028 годов отнял у неё главное преимущество — дешёвую энергию для промышленности. Переход на возобновляемые источники был задуман правильно, но рассчитан на мир, в котором газ можно купить по разумной цене на время перехода. Такого мира не стало. Промышленное производство Евросоюза к 2029 году упало на двадцать два процента от уровня 2021-го, химическое — на сорок. Компании уходили туда, где энергия была дешёвой, а государство платило за переезд: в США, на Ближний Восток, в Северную Африку.

Институты, построенные для эпохи процветания, оказались непригодны для эпохи кризиса. Решения по обороне и внешней политике требовали единогласия двадцати семи стран, и всегда находилась одна, готовая продать своё вето подороже — Вашингтону, Москве или собственным избирателям. Средний государственный долг превысил сто процентов экономики, итальянский — сто шестьдесят. Население старело: на сто работающих приходилось пятьдесят восемь пенсионеров. С юга, от засух в Сахеле и войн на Ближнем Востоке, за пять лет пришли девять миллионов человек, и каждые выборы становились референдумом о стенах.

У Европы не было своего стратегического искусственного интеллекта: на её долю приходилось три процента мировых вычислительных мощностей. Не было и общей ядерной доктрины — французские боеголовки защищали Францию, британские зависели от американских систем. К 2030 году под общим флагом со звёздами фактически жили уже три Европы. Западная, от Лиссабона до Гамбурга и Копенгагена, держалась за Америку. Срединная — Польша, Прибалтика, Венгрия, Словакия, Румыния — жила между страхом перед Россией и обидой на Брюссель и с каждым годом всё больше напоминала будущее поле боя. Южная — Италия, Греция, часть Балкан — тихо искала нейтралитета и выгодных контрактов с теми, кто побеждает.

Континент, научивший мир промышленной революции, оставался в пятом технологическом укладе — в мире микроэлектроники, интернета и конвейера. Хороший мир. Уходящий мир.

Япония и Южная Корея были на него похожи, только честнее в своей уязвимости. Япония ввозила восемьдесят восемь процентов энергии и шестьдесят два процента калорий, которые съедали её граждане. Население сокращалось на восемьсот тысяч человек в год. В Южной Корее на одну женщину приходилось 0,6 ребёнка — самый низкий показатель в истории человечества. Обе страны были лучшими сборщиками электроники на свете, но их цепочки поставок начинались на Тайване, а Тайвань сгорел. Обе оставались верными союзниками Вашингтона — и обе понимали, что союзник, который не может сам себя ни накормить, ни заправить топливом, называется иначе.

Индия, самая многолюдная страна мира, — миллиард четыреста восемьдесят миллионов человек, — должна была стать следующим Китаем. Ей не хватило воды. Ледники Гималаев, питавшие Инд, Ганг и Брахмапутру, теряли массу втрое быстрее, чем предсказывали модели десятилетней давности. Подземные воды Пенджаба, житницы страны, опустились на сорок метров. Летом 2029 года температура в Дели три недели держалась выше сорока восьми градусов, и в городах умерло больше двухсот тысяч человек. В 2027 году Индия вышла из договора о водах Инда, Пакистан назвал это объявлением войны, и с тех пор на линии контроля в Кашмире стреляли почти каждый день. Внутри страны южные штаты всё громче спрашивали, почему они должны кормить северные. А технологическая база — блестящие программисты, работавшие на чужие компании, и ни одной фабрики передовых чипов — принадлежала пятому укладу. Индия была важна. Её голос мог решить исход многих споров. Но решить, на чьей стороне этот голос прозвучит, она не могла сама.

В эпоху разрыва силу определяли не те вещи, что раньше. Аналитики трёх оставшихся в мире серьёзных разведок, не сговариваясь, пришли к одному и тому же списку. Игроком было государство, которое может сказать «да» на четыре вопроса. Может ли оно само себя накормить и обеспечить энергией, не завися от моря, которое контролируют другие? Вошло ли оно в шестой технологический уклад — в мир синтетической биологии, искусственного разума, новой энергетики и новых материалов? Может ли оно защитить свой выбор силой, которой боятся все? И есть ли у него люди — не просто много, а достаточно молодых или достаточно мобилизованных, чтобы выдержать десятилетие войны?

На все четыре вопроса «да» ответили только три.

Ледокол «Россия» шёл через пролив Вилькицкого в последних числах октября 2030 года, ведя за собой караван из четырнадцати судов. Лоцман Арина Соколова, двадцати шести лет, стояла на мостике и сверяла спутниковую карту льдов с тем, что видела в прожекторе. Пролив был почти чист. Её дед, ходивший здесь в восьмидесятые, рассказывал, что в октябре сюда не совались без двух ледоколов, а льдины были толщиной с двухэтажный дом. Теперь ледокол вёл караван больше для порядка — и для того, чтобы все видели, чей это путь.

В трюмах судов были удобрения для Бразилии, никель и палладий для заводов Северного контура, пшеница для Ирана и Египта и сжиженный газ для Китая, который платил за него по любой назначенной цене. За 2030 год Северным морским путём прошло сто восемьдесят миллионов тонн груза — впятеро больше, чем семь лет назад. Это была единственная крупная морская артерия на планете, которую нельзя было перекрыть чужим флотом: она шла вдоль одного берега, и весь этот берег принадлежал одной стране.

Россия вошла в новую эпоху с тем, что всегда считалось её проклятием, — с размером, холодом и сырьём. Внезапно всё это стало богатством. Потепление сдвинуло границу земледелия на четыреста километров к северу: в Новосибирской и Омской областях, на Алтае и в Красноярском крае распахали девять миллионов гектаров новых земель. Урожай зерна 2030 года составил сто сорок восемь миллионов тонн, из которых пятьдесят ушло на экспорт — и каждая тонна была не товаром, а аргументом. В распоряжении страны было около двадцати процентов мировых запасов пресной поверхностной воды, крупнейшие запасы газа, никель, палладий, титан, алмазы и редкоземельные металлы Томтора. И у неё было около пяти с половиной тысяч ядерных боеголовок — больше, чем у любой другой страны мира.

Но Россия не стала бы игроком, если бы осталась сырьевым складом. Последние десять лет, под санкциями и в изоляции, она перевела экономику на мобилизационные рельсы — оборонные расходы держались на уровне девяти процентов ВВП — и вложилась в то, что академик Лев Гордеев называл «энергией без конца». В Северске заработал первый энергоблок на быстрых нейтронах с замкнутым топливным циклом: топливо, которое горит, а потом возвращается в реактор снова. «Мы двадцать лет продавали миру огонь, — сказал Гордеев на заседании Совета безопасности. — Теперь у нас есть огонь, который не кончается». Добавлялись кабели из высокотемпературных сверхпроводников, новые сплавы, собственная орбитальная группировка. Слабость у России была одна, но тяжёлая: сто сорок четыре миллиона человек на семнадцать миллионов квадратных километров. Страна была слишком велика для своего населения — и знала это.

Соединённые Штаты ответили на четыре вопроса иначе. Их энергия была своей — сланцевая нефть и газ. Их хлеб был своим — Великие равнины всё ещё оставались житницей. Два океана защищали лучше любой армии. Доля доллара в мировых резервах упала с пятидесяти восьми процентов до сорока одного, но расчётная инфраструктура — банки, клиринговые палаты, платёжные сети — продолжала работать, и половина того, что ещё оставалось от мировой торговли, по-прежнему проходила через Нью-Йорк. На американской земле стояло семьдесят процентов вычислительных мощностей планеты. Американские компании владели

самыми сильными системами искусственного интеллекта, лучшими лабораториями нейротехнологий и биотеха и группировкой из сорока тысяч спутников, видевших каждый квадратный метр Земли. За пять лет «Великого возвращения» промышленное производство на территории страны выросло на тридцать один процент — во многом за счёт заводов вроде того, где теперь работал Йенс Хартман. Слабости у Америки были тоже: государственный долг в сто сорок процентов ВВП, расколотое общество, где половина страны считала другую половину врагом, и привычка быть первой, которая плохо переносила роль одного из трёх. Президент Дэниел Харт выиграл выборы 2028 года под лозунгом «Америка не делит». Он ещё не знал, что делить придётся.

Третьим был Юг. Миллиард шестьсот миллионов человек с медианным возрастом девятнадцать лет — в мире, где все остальные старели. Семьдесят процентов мирового кобальта, огромные запасы меди, лития, урана, платиноидов. Шестьсот миллионов гектаров необработанной пахотной земли. Солнце, которое давало дешёвую энергию двенадцать месяцев в году. И Институт Рифта, где учились переписывать саму жизнь. Как этот континент, который полвека считали безнадёжным, за полтора года превратился в государство, — это отдельная история.

Три центра силы. Три разных ответа на один вопрос. У каждого было то, чего не хватало двум другим: у Севера — земля, энергия и огонь, у Запада — деньги, машины и умение проникать в чужие головы, у Юга — люди, металлы и власть над живым. Каждый мог бы стать партнёром двух других. Каждый боялся, что двое других станут партнёрами без него.

Всё остальное человечество — шесть миллиардов человек из восьми миллиардов четырёхсот миллионов — превращалось в фон.

— Ты видишь теперь, — сказал Высший. — Самая многочисленная страна им не равна. Самая богатая в прошлом — тоже. Полтора миллиарда человек на востоке, и ни одного голоса, который решал бы что-нибудь, кроме собственного выживания.

— Мне трудно это принять, — ответил Наблюдатель. — Во всех прежних срезах сила была пропорциональна массе. Больше рук, больше полей, больше оружия.

— Во всех прежних срезах они жили вместе. Тогда сила — это масса, умноженная на связи. Когда связи рвутся, остаётся только то, что принадлежит тебе.

— Тогда все остальные…

— Все остальные — контрольная масса. Они будут переходить из союза в союз, продавать свои порты, свои голоса, своих солдат. Некоторые сыграют важную роль. Ни один не решит исход.

Наблюдатель долго смотрел на планету. На её ночной стороне огни Европы мигали: где-то снова отключали электричество по графику. На южном побережье Китая горел Гуанчжоу. Он нашёл нужный дом и нужный балкон. Балкон был пуст — девочка спала. Он поймал себя на том, что ждал её, и не стал вносить это в журнал.

— Три силы, и ни одна не может победить двух других, — сказал он наконец. — Такая конструкция не застывает.

— Не застывает, — согласился Высший. — Она будет раскачиваться. Пока кто-то не упадёт. Или пока не найдётся то, что удержит её в равновесии.

— А такое бывает?

Высший помолчал — дольше, чем требовал вопрос.

— Однажды было, — сказал он. — Эта запись закрыта.

Эпизод II. Зерно

Линия 3-17, поколение 1 103. Носитель обнаружил подсказку № 11: схема окрестных звёзд с указанием расстояний. Ожидаемое верное прочтение: звёзды — солнца, подобные вашему. Срок экспозиции подсказки — около четырёх миллионов лет; из всей схемы узнаваемым для носителя остался один фрагмент. Наблюдение продолжается. — Журнал Коллегии, запись 0417

Земля даёт тому, кто отдаёт ей.

Это знали все, как знали, что вода течёт вниз, а мёртвые лежат под полом. Зерно, которое съел, — твоё. Зерно, которое отложил в корзину под глиняной крышкой, — уже не твоё: оно принадлежит полю и следующему году. Съесть семенное зерно было хуже, чем убить. Убийца отнимал у рода одного человека. Тот, кто съел семя, отнимал у рода весну.

Она вставала до света, потому что зерно надо было смолоть до того, как проснутся дети. Каменная тёрка стояла у порога, и каждое утро начиналось одинаково: на колени, ладони на верхний камень, вперёд — назад, вперёд — назад, пока не заноет поясница и пока мука не ляжет на нижний камень серой пылью. У её матери от этой работы искривились пальцы на ногах и перестали разгибаться колени. У неё уже начинали. Так было у всех женщин, и никто не думал, что может быть иначе.

Дома стояли кругом на террасе над рекой — круглые, из глины, смешанной с соломой, с плоскими крышами, на которых сушили всё, что нужно было сушить. Под полом каждого дома лежали те, кто его построил. Её бабка лежала под тем местом, где она теперь спала, и это было правильно: мёртвые держат дом, как корни держат склон.

Днём пахло дымом, мокрой глиной и козами. Ночью — дымом и звёздами. Звёзды пахли холодом.

У неё была вещь, над которой смеялись.

Маленькая фигурка из обожжённой глины, с поднятой рукой и без лица. Мать отдала её, когда она впервые понесла ребёнка, и сказала то, что когда-то сказала ей её мать: это Тот, Кто Бросил. Лица у него нет, потому что его никто не видел. Откуда это пошло, мать не знала. Фигурка была уже не первой — старые трескались, и женщины их рода лепили новые, одну с другой, как переносят слова из уха в ухо.

У соседей фигурки были другие: толстые женщины с тяжёлыми грудями и животами, с глазами из ракушек. Их ставили у корзин, чтобы корзины были полны. Фигурка без лица ничего не обещала, поэтому её не боялись, а над ней смеялись. Она не обижалась. Над вещами, которые ничего не обещают, смеются всегда.

Детям она пела то, что пела ей мать. Слова были старые, и половину она не понимала. Что значит «мы на третьем»? Почему «у огня», если огонь в доме, а небо снаружи? Она пела так, как пели до неё, и дети засыпали, а после песни она поднималась на крышу и смотрела вверх. Это тоже было от матери. Мать говорила: если долго смотреть, увидишь, как он смотрит обратно.

Весной река поднялась выше, чем помнили старики, и подмыла берег ниже террасы. Когда вода ушла, в свежем обрыве открылся слой, которого никто раньше не видел: чёрный, ровный, будто его положили туда нарочно. Дети нашли в нём плиту.

Плита была длиной в руку и толщиной в палец — чёрная, тяжёлая, холодная даже на солнце. Мужчины пробовали расколоть её на серпы. Камень отскакивал, плита оставалась целой. Её хотели бросить обратно в реку. Она попросила отдать плиту ей.

На плите были точки. Сотни точек, мелких и крупных, рассыпанных без всякого порядка, и возле многих — чёрточки, по одной, по две, по десять. Днём она долго смотрела на них и ничего не увидела. Ночью, на крыше, посмотрела снова — при звёздах, когда глаза уже привыкли к темноте.

В углу плиты лежала горсть. Семь точек, тесно, одна к одной, как зёрна на ладони. Она подняла глаза. Над восточным краем неба стояла та же горсть — семь звёзд, тесно, одна к одной.

Остальные точки на плите не совпадали ни с чем. Они лежали там, где на небе была пустота, и пустовали там, где на небе горели звёзды. Но горсть совпадала. Она водила пальцем от плиты к небу и обратно, пока мать не позвала её вниз.

Она поняла так: кто-то нарисовал небо. Не то небо, которое есть, а то, которое будет, или было, или есть где-то ещё, — этого она не знала и не мучилась. Но горсть была и там и тут. Значит, горсть — главное. Тот, Кто Бросил, оставил её и в небе, и на камне, чтобы люди знали, куда смотреть.

Это было неправдой во всём. Но из этой неправды вырос год.

Она стала следить за горстью.

Зарубками на палке она отмечала, когда горсть впервые показывается перед рассветом и когда уходит за край вслед за закатом. И заметила то, чего не замечал никто, потому что никто не смотрел так долго: дожди приходят после того, как горсть уходит, а сухое время начинается, когда горсть возвращается перед рассветом. Не день в день. Но всегда рядом.

На следующий год она посеяла свой клин в те дни, когда горсть ушла. Соседи сеяли как всегда — когда старшему казалось, что пора. У неё взошло гуще. Через год у неё взошло гуще снова.

Тогда пришёл тот, кто считал дни. Он был стар, умел резать знаки на костях и решал, когда праздновать, а когда хоронить. Он долго смотрел на плиту, долго смотрел на её палку с зарубками и сказал: горсть — это зерно, которое Тот, Кто Бросил, отложил для себя, и ему нужно отдавать первую долю урожая, иначе он перестанет поднимать горсть над краем неба.

Плиту унесли в его дом. Потом построили для неё отдельный дом — без очага, с низкой дверью. Потом у порога стали оставлять первый сноп. Потом первого козлёнка. Через несколько лет в этот дом входили только те, кому позволял тот, кто считал дни, и её среди них не было.

Она не спорила. Счёт работал. Поля по всей террасе стали давать больше, а в доме без очага каждую осень текла кровь.

Сухой год пришёл, когда её младшей было четыре. Горсть ушла, а дожди не пришли. Они пришли поздно и мало, зерно взошло редко, и осенью корзины наполнились до половины. Тот, кто считал дни, сказал, что Тот, Кто Бросил, разгневан, и козлят у порога стало вдвое больше.

Зимой с холмов спустились чужие.

Их было человек тридцать — женщины, дети, несколько мужчин с пустыми руками. Они пришли с востока, где не было ни реки, ни полей, где люди ходили за стадами газелей, а газели в тот год не пришли. Чужие сели у края террасы и не уходили. Их дети смотрели на дома так, как когда-то, в рассказах прабабок, дети её рода смотрели на мясо у фигурки без лица.

Старшие решили так, как решали всегда: чужим не давать. Своего мало. Семя — не еда. Если чужие не уйдут сами, их прогонят.

Она смотрела на них три дня. На третий день у одной из чужих женщин умер ребёнок. Та не плакала. Она сидела, запрокинув голову, и смотрела вверх — просто смотрела вверх, как будто ждала, что кто-то посмотрит обратно.

Ночью она открыла корзину под глиняной крышкой — свою, семенную, ту, что принадлежала полю и следующему году, — пересыпала зерно в два мешка из шкур и отнесла к краю террасы.

Она не дала им хлеба. Она дала им весну. Показала, как бросать зерно в землю и когда — по горсти, когда горсть уйдёт за край. Показала на небо. Чужая женщина посмотрела туда, куда ей показывали, и кивнула так, как кивают люди, не понявшие ни слова, но понявшие всё.

К утру чужие ушли вниз по реке.

Ничего безумнее человек на террасе сделать не мог: отдать будущий год своего рода людям, которые не были ни роднёй, ни соседями и не должны были вернуться. Её не убили — мёртвые держат дом, а она была ещё нужна живой. Но в ту зиму из чужих корзин ей не дали ни зерна: кто отдал семя, ест из своей пустой.

Мать перестала есть в середине зимы. Ничего не объясняла, просто отодвигала свою долю детям, и дети ели. К весне мать легла под пол, туда, где лежала бабка. Младшая выжила. Средний — нет.

Весной ей нечего было сеять. Она пошла работать на чужие клинья за горсть зерна в день, и на террасе впервые появился человек, который сеет не своё.

Чужие вернулись через два года, осенью.

Их стало больше, и пришли они не с пустыми руками. Ниже по реке, где раньше никто не жил, теперь стояли их дома — круглые, из глины, неумелые, — и вокруг домов были поля. Они принесли зерно. Вдвое больше, чем унесли.

Тот, кто считал дни, вышел им навстречу и принял зерно у порога дома без очага. Он сказал, что это Тот, Кто Бросил, вернул долг за козлят. Все согласились. Так было понятнее.

Чужая женщина нашла её в толпе. Ничего не сказала. Положила ей в руки отдельный мешок и показала на небо — туда, где над восточным краем, перед рассветом, поднималась горсть.

Этой весной она снова посеяла свой клин. А вечером спела младшей песню, в которой одно слово стало другим, потому что так было правильнее:

Кто-то бросил горсть в небо.

По небу взошли зёрна.

Мы на третьей меже, мы у огня.

Спи. Он видит. Он не спит.

Линия 3-17, поколение 1 103. Прочтение: неверное. Схема расстояний использована как календарь; на основе прочтения возник культ с регулярными жертвоприношениями животных. Подсказка № 11 изъята из употребления местной иерархией. Носитель передала семенной запас неродственной группе в условиях дефицита. Поведение нерационально; прямые потери для группы носителя — два члена рода. Побочный эффект: возникновение земледельческого поселения ниже по течению. Передача линии: дочь. Рекомендация: продолжить наблюдение.

Примечание Н.: зерно взошло у чужих. Прошу отметить.

Примечание отклонено.

— Журнал Коллегии, запись 0418

Глава 2. Континент, который проснулся

Мы не просим прощения долгов. Мы сообщаем, что больше их не признаём. Счёт за пятьсот лет был выставлен давно; сегодня мы его закрываем. — Тенде Окафор, речь на ратификационной сессии Верховного Совета Союза, Аддис-Абеба, 3 сентября 2029 г.

— Ты называл их Югом, — сказал Высший. — Теперь назови точнее.

— Я не уверен, что это возможно, — ответил Наблюдатель. — Сорок одна страна. Две тысячи языков. Пустыни, джунгли, горы, мегаполисы. Ни в одном прежнем срезе они не объединялись так быстро и так поздно.

— Объединялись, — сказал Высший. — Просто ты смотрел не те срезы.

Аддис-Абебский акт подписали 1 мая 2029 года в зале, где когда-то заседал Африканский союз, — организация, которую сорок лет называли клубом президентов и которая за сорок лет не приняла ни одного решения, способного кого-то по-настоящему обидеть. Поэтому, когда сорок одна делегация поставила подписи под документом о создании федеративного государства с общей армией, общей валютой и общим бюджетом, в Лондоне, Вашингтоне и Пекине отреагировали одинаково. Вежливо и без интереса.

Через год интерес появился. Через полтора — превратился в тревогу.

Объединение не было победой идеи. Оно было результатом арифметики, которую сложили три кризиса подряд. Первым был долговой. К 2027 году африканские государства должны были внешним кредиторам около девятисот миллиардов долларов, и при доходности, которую рынок требовал после американского шока 2026 года, одни только проценты съедали в среднем тридцать восемь процентов государственных доходов. В Замбии — шестьдесят один. В Гане — пятьдесят пять. Школьные учителя в Лусаке не получали зарплату по пять месяцев, потому что деньги уходили держателям облигаций в Лондоне.

Вторым был продовольственный. Когда большие блоки закрыли экспорт зерна, тонна пшеницы в Каире и Лагосе подорожала втрое. Континент, который ввозил больше сорока процентов потребляемого зерна, оказался перед выбором: либо голодать, либо наконец распахать собственную землю.

Третий кризис был самым неожиданным — кризис спроса на африканское сырьё. Точнее, его взрыв. Все три поднимающиеся силы, каждая по-своему, нуждались в кобальте, меди, литии, марганце, платине, уране. Раньше эти металлы скупали поодиночке у пятидесяти слабых правительств, натравливая их друг на друга и платя втрое ниже реальной цены. В 2028 году министры горнорудной промышленности Конго, Замбии, Зимбабве, Гвинеи, Намибии и ЮАР впервые собрались в одной комнате и посчитали, сколько денег они потеряли за двадцать лет. Цифра оказалась больше, чем весь их совокупный долг.

После этого договориться стало проще.

Тенде Окафору в 2029 году было пятьдесят шесть. Он вырос в Абе, в семье торговца тканями, учился на инженера-нефтяника в Порт-Харкорте и в Эдинбурге, двадцать лет управлял государственной нефтяной компанией Нигерии и считался человеком, которого невозможно купить, — не потому что он был святым, а потому что у него всегда было больше, чем ему предлагали.

Он не был харизматиком. Он говорил медленно, тихо, с длинными паузами, и в этих паузах собеседники успевали понять, что спорить бессмысленно. Европейские дипломаты прозвали его «Бухгалтером». Окафору прозвище нравилось.

Вечером накануне подписания акта он сидел в гостиничном номере с министром финансов Кении и министром горнорудной промышленности Конго. На столе лежал лист бумаги с одной колонкой цифр.

— Если мы подпишем завтра, — сказал Окафор, — через полгода нас попробуют разорвать. Магриб скажет, что он не Африка. Южане скажут, что не обязаны кормить Сахель. Французы предложат кому-нибудь отдельную сделку. Американцы предложат кому-нибудь другому. Китайцы, если у них ещё останутся деньги, предложат третьему.

— И что мы сделаем? — спросил конголезец.

Окафор постучал пальцем по листку.

— Мы сделаем так, чтобы выйти было дороже, чем остаться. Каждый, кто уйдёт, уйдёт без доли от общей ренты, без армии, без валюты и с долгами, которые мы перестанем за него оспаривать. Люди не любят друг друга, господа. Но они очень не любят терять деньги.

Он оказался прав в обоих пунктах. Попытки разорвать федерацию начались через четыре месяца. Ни одна не удалась.

Экономика нового государства держалась на трёх решениях, принятых в первые сто дней.

Первым стал «Акт о закрытом счёте» — так его назвали газеты, а официально документ назывался «Декларацией о нелегитимных обязательствах». Союз объявил, что не признаёт долги, заключённые правительствами, которые не проходили демократических процедур, а также займы, полученные под залог природных ресурсов на условиях, признанных Верховным Советом «колониальными». Под это определение попали шестьсот десять миллиардов долларов из девятисот. Остальное федерация пообещала реструктурировать на тридцать лет под полтора процента годовых. Кредиторы подали восемьсот исков в лондонские и нью-йоркские суды. Суды вынесли решения. Взыскать по ним было нечего: активы африканских государств за границей к тому моменту были либо проданы, либо переведены в Аддис-Абебу.

Вторым решением стала валюта. Франк КФА, который шестьдесят лет связывал четырнадцать стран Западной и Центральной Африки с казначейством Франции, был упразднён указом от 1 января 2030 года. Вместо него и вместо сорока других национальных валют ввели «афро». Его курс не привязывали ни к доллару, ни к золоту. Его привязали к корзине из шести металлов — кобальта, меди, лития, марганца, платины и урана — в пропорциях, отражавших долю Союза в мировой добыче. Каждый, кто хотел купить африканский кобальт, теперь должен был сначала купить афро. За первый год его курс к доллару вырос на сорок четыре процента. Инфляция внутри федерации, впрочем, тоже держалась на уровне двадцати трёх процентов: единые деньги не отменили разницы между Найроби и Ниамеем.

Третьим решением была рента. Все горнодобывающие концессии на территории федерации пересмотрели за девять месяцев. Иностранным компаниям оставили право добычи, но доля государства выросла с девяти-двенадцати процентов в среднем до пятидесяти одного. Те, кто отказался, ушли. Их место заняли кто угодно, кроме тех, кого просили уйти: русские горнорудные холдинги в Гвинее и Зимбабве, американские фонды в Конго, индийские и турецкие подрядчики повсюду. Рента в 2030 году составила сто девяносто миллиардов долларов. Половина ушла в общий фонд развития. Из этих денег строили дороги, электростанции, школы и то, что в официальных документах называлось «Программой биологической независимости».

Великая рифтовая долина — шрам на теле континента длиной шесть тысяч километров. Здесь Африка медленно, по несколько миллиметров в год, раскалывается на две части. Здесь нашли кости самых древних предков человека. И здесь, на плато к северо-западу от озера Найваша, в 2027 году начали строить комплекс, который через три года станет самым важным научным учреждением Южного полушария.

Институт Рифта задумывали как обычный аграрный исследовательский центр: выводить засухоустойчивые сорта сорго и маниоки, бороться с саранчой, лечить скот. Но доктор Ньямбура Кариуки, которую в 2028 году назначили директором, имела на этот счёт другое мнение.

Ей было сорок три года. Она родилась в деревне под Ньери, в семье, где было девять детей и одна пара обуви на троих. Стипендия Кембриджа, докторская в Бостоне по синтетической

биологии, восемь лет в американской компании, которая проектировала микроорганизмы для производства лекарств и топлива. В 2026 году компания закрыла программу «как коммерчески неперспективную». Кариуки уволилась на следующий день и увезла в Найроби не чертежи — их она не трогала, — а то, что увезти можно всегда: голову и девятнадцать коллег, которые решили поехать с ней.

— На Севере у них энергия, — говорила она на первом совещании Института. — На Западе у них вычисления. У нас есть солнце, вода в Рифте, земля и миллиард молодых людей. Мы не сможем построить их заводы. Но нам и не нужны их заводы. Нам нужны заводы, которые растут сами.

Это была суть стратегии, которую позже назовут «скачком уклада». Африка не прошла через пятый технологический уклад — у неё не было ни микроэлектронной промышленности, ни развитого конвейерного производства. Догонять эти уклады по одному означало отставать навсегда. Поэтому Союз решил их перепрыгнуть, так же как двадцатью годами раньше континент перепрыгнул через стационарные телефоны прямо к мобильной связи.

Вместо нефтехимии — биореакторы. Огромные стеклянные цилиндры, в которых специально спроектированные микроорганизмы на солнечной энергии и дешёвом сырье производили то, что прежде делали сотни заводов: топливо, удобрения, кормовой белок, лекарства, материалы для упаковки и строительства. Вместо химических удобрений — бактерии, которые поселялись на корнях растений и снабжали их азотом. Вместо импортной пшеницы — маниока и сорго, урожайность которых за три года выросла в полтора раза. В 2030 году биореакторы Рифта производили количество кормового белка, эквивалентное трём миллионам тонн соевого шрота. Ещё три года назад весь этот шрот приходилось ввозить.

Но биология была только половиной ответа. Другая половина начиналась с электричества. У континента было то, чего не хватало замерзающей Европе и запертому Китаю, — самое дешёвое солнце на планете и две реки, Нил и Конго, на которых поднимались плотины размером с небольшое государство. Энергия, которой некуда было деться, и стала фундаментом всего остального. На ней Союз построил не старую тяжёлую промышленность, а новую, лёгкую: вместо того чтобы продавать руду, как продавали её сто лет, континент ввёл технологические концессии — доступ к кобальту, литию и платине в обмен на завод, лицензию и обучение инженеров на африканской земле. Отчаявшиеся корпорации Севера, которым больше негде было взять сырьё, соглашались. А инженеры нашлись: полвека Африка отдавала миру своих лучших, и теперь коллапс двадцатых годов и миграционные бунты на Севере развернули поток — домой возвращались не заводы, а знание.

Дроны выросли из этого сами, как побочный продукт. Рой не требует сталелитейных гигантов; ему нужны дешёвая энергия, лёгкие композиты и распределённая мелкосерийная сборка. Первое давало солнце. Второе Союз не штамповал, а выращивал — в тех же рифтовых чанах, где варили белок, росли и материалы: волокна прочнее стали, корпуса из мицелия, оболочки, собиравшие себя сами. Третье обеспечивали тысячи небольших «цехов-принтеров», разбросанных по континенту так же, как узлы «Убунту». Там, где Север строил один огромный завод, Юг ставил десять тысяч маленьких, и рой, поднимавшийся с них, был не куплен, а, как всё у этого континента, выношен.

Оставались спутники — самое трудное, и здесь география оказалась подарком. Экватор даёт ракете даровую скорость вращения Земли: с него тот же носитель выводит на орбиту заметно больше. У кенийского побережья ещё с прошлого века стояла старая морская стартовая площадка; её расконсервировали и достроили. Ракеты и школу дала Россия — по Аддис-Абебскому протоколу она получила кобальт и, что было дороже кобальта, тёплый экваториальный космодром взамен своих, затёртых льдами. Когда через год союз распался, площадка и обученные люди остались у Африки, а орбита к тому времени была уже не эпохой «Аполлонов»: её делали рои дешёвых малых аппаратов, которые пускают пачками и постоянно воспол-

няют. Всё это — энергия, концессии, чаны, космодром — держалось на тонком фундаменте, собранном в нескольких узлах и оттого уязвимом. Но в 2030 году континент, который полвека считали безнадёжным, впервые смотрел в небо как хозяин, а не как проситель.

К концу 2030 года в федерации работали четыреста двенадцать «биофабрик» — от гигантских комплексов под Найваша и Аккрой до контейнерных установок, которые грузовик мог привезти в любую деревню Сахеля. Они давали восемь процентов промышленного продукта Союза, а по прогнозам Института через пять лет должны были давать тридцать. Никто за пределами континента не воспринимал эти цифры всерьёз. В Вашингтоне и Москве смотрели на ракеты, спутники и реакторы. Бутылки с зелёной жижей в кенийской долине не выглядели оружием.

Это было главное заблуждение эпохи. Впрочем, вполне понятное.

Мама Адаэзе Нвосу работала медсестрой в детской поликлинике в районе Сурулере, в Лагосе, двадцать шесть лет. Она пережила три смены режима, две эпидемии и бесчисленное количество отключений электричества. Её трудно было удивить.

В марте 2030 года в поликлинику привезли холодильные шкафы, каких она никогда не видела, — на солнечных панелях, с автономными батареями, с экраном, на котором светились зелёные цифры температуры. Вместе с ними пришли коробки с вакцинами и распоряжение Министерства здравоохранения Союза о старте «Программы „Щит“» — всеобщей иммунизации. Вакцинировать предписывалось всех: детей, взрослых, стариков. Комплекс прививок против малярии, лихорадки денге, жёлтой лихорадки и «ряда сезонных инфекций». Бесплатно. Каждому, кто приходил, давали пакет муки и литр масла.

Очереди тянулись на два квартала. За первые полгода в Лагосе привили одиннадцать миллионов человек. По всему континенту — шестьсот сорок. Детская смертность от малярии в зонах программы за год упала на треть.

Мама Адаэзе привила себя, мужа, детей и шестерых внуков. Она плакала, когда смотрела на цифры по малярии в отчёте районной больницы: в её детстве от неё умерли двое её братьев.

Её смущало только одно. Комплекс включал на одну инъекцию больше, чем было указано в списке болезней. Когда она спросила об этом районного санитарного врача, тот пожал плечами.

— Профилактика, — сказал он. — Про запас. Сверху сказали, что так надо.

Она больше не спрашивала. В конце концов, сверху впервые за всю её жизнь делали что-то, от чего люди не умирали, а выживали.

Федерация не была единой. Она была договором людей, которые нуждались друг в друге сильнее, чем ненавидели.

На севере Марокко и Египет вошли в Союз последними, в декабре 2029 года, и на особых условиях: с сохранением собственных армий, с правом вето в вопросах Средиземноморья и с негласным пониманием, что Каир и Рабат считают себя скорее мостом между Африкой и всеми остальными, чем её частью. Алжир так и не подписал акт — его элиты слишком привыкли продавать газ Европе на собственных условиях. Тунис и Ливия балансировали, раздираемые фракциями.

В Сахеле, от Мали до Чада, шла война, которой было уже двадцать лет и которая не прекратилась от того, что столицы подписали бумагу. Маршал Ибрагим Дьялло, уроженец Мопти, назначенный командующим объединённой армией, получил в наследство шесть национальных армий, каждая из которых привыкла воевать по-своему, и сорок тысяч боевиков на территории размером с Западную Европу. Дьялло не пытался победить их в пустыне. Он строил дороги, колодцы и биофабрики — и платил деревням за каждый месяц без нападений. За год число

атак упало на сорок процентов. Боевики, которые воевали ради хлеба, стали работать ради хлеба. Те, кто воевал ради идеи, остались — но их стало меньше, и они сидели без денег.

На юге главной проблемой была ЮАР. Самая развитая экономика континента, единственная страна с полноценной промышленностью, с биржей, с собственными банками и университетами мирового уровня — и с давней привычкой смотреть на север сверху вниз. Претория долго торговалась и вошла в федерацию только тогда, когда Окафор согласился разместить в Йоханнесбурге Центральный банк Союза и отдать южноафриканцам пост министра финансов. «Мы платим за вход, — объяснял Окафор недовольным коллегам из Нигерии. — Но мы покупаем то, чего у нас нет: людей, которые умеют считать деньги».

И над всем этим висела проблема, которую никакие договоры не решали: инфраструктура. Чтобы провезти грузовик с удобрениями из Момбасы в Киншасу, требовалось двенадцать дней и девятнадцать контрольно-пропускных пунктов, на каждом из которых просили взятку. Единое государство существовало на бумаге в Аддис-Абебе. На дорогах между Кано и Ндьяменой его ещё нужно было построить.

Тем не менее к концу 2030 года Союз показал рост экономики на 9,4 процента — самый высокий среди всех крупных экономик мира. Население федерации — миллиард шестьсот миллионов, медианный возраст — девятнадцать лет. Каждый год в трудоспособный возраст входили тридцать миллионов человек. В Европе за то же время на пенсию выходили семь миллионов, а на работу приходили пять.

Демография — это судьба, которая наступает медленно, но неотвратимо. Все это знали. Только теперь стало видно, в какую сторону она наступает.

В октябре 2030 года министр иностранных дел Союза Сэмюэл Асанте прилетел в Москву. Переговоры шли три дня. Предметом было то, что на языке протоколов называлось «стратегическим ресурсным партнёрством»: Россия поставляла Союзу зерно, удобрения, технологии атомной энергетики и вооружения; Союз поставлял России кобальт, марганец, платиноиды и бокситы — по ценам на двенадцать процентов ниже, чем американцам.

На последнем ужине министр иностранных дел России Вера Логинова, женщина с серыми внимательными глазами, которая говорила по-английски лучше, чем большинство англичан, подняла бокал.

— За партнёрство, — сказала она. — Нам с вами нечего делить, господин министр. Наши страны не соприкасаются ни одной границей.

Асанте улыбнулся и тоже поднял бокал.

— Именно поэтому мы и можем быть друзьями, госпожа министр, — ответил он. — Пока.

Логинова услышала это «пока». Асанте видел, что она услышала. Оба выпили, и оба записали этот обмен репликами в свои отчёты почти дословно.

Через неделю такие же переговоры прошли в Вашингтоне. Американцы предлагали другое: доступ к вычислительным мощностям, спутниковую связь, инвестиции, отмену пошлин на африканские товары. Взамен они просили эксклюзивных прав на литий и кобальт из Конго и Замбии и отказа от военного сотрудничества с Россией. Асанте выслушал их так же внимательно, как Логинову, и так же вежливо отказался давать ответ.

Союз продавал себя обеим сторонам одновременно. Это было непривычно для континента, которым пятьсот лет торговали другие.

— Ты молчишь, — сказал Высший.

— Я думаю о медсестре, — ответил Наблюдатель. — И о той инъекции, которой нет в списке.

— Ты знаешь, что в ней?

— Пока нет. Подозреваю. — Наблюдатель помолчал. — Они научились спасать миллионы жизней. И в ту же самую руку, тем же самым движением кладут что-то ещё. Почему у них всегда так?

— Потому что они — молодая раса, а молодая раса не умеет делать одно, не делая другого. Это не их порок. Это свойство инструмента.

— Ты говоришь так, будто это хорошо.

— Я говорю так, будто это правда, — ответил Высший. — Посмотри на них. Ещё десять лет назад этот континент был рынком для чужих вещей и складом чужих страхов. Теперь у него есть армия, деньги, наука и тайна. Тайна — главное.

Наблюдатель смотрел на ночную Африку. Огни Лагоса, Найроби, Киншасы горели ровно и ярко, ярче, чем год назад. В долине Рифта светились тысячи стеклянных цилиндров, похожих на бутылки с мутным зелёным вином. На разломе он задержал взгляд дольше, чем на городах. В журнале Коллегии эта долина значилась под нулевым номером — раньше всех срезов и всех линий. Он никогда не спрашивал почему. Его будили не для вопросов.

— Север, Запад и Юг, — сказал он. — Теперь все три точки на месте.

— Все три, — согласился Высший. — Осталось увидеть четвёртую.

— Четвёртой нет. Ты сам сказал: три силы.

Высший смотрел вниз. Где-то внизу, в серверных залах Вирджинии, Подмосковья и Рифтовой долины, три машины, не знавшие друг о друге ничего, кроме того, что каждая из них — враг, продолжали свою бесконечную работу.

Эпизод III. Мера

Линия 3-17, поколение 1 379. Носитель получил доступ к подсказке № 23: эталонный набор длины и массы, привязанный к универсальной физической постоянной. Ожидаемое верное прочтение: мир измерим единой мерой, общей для любого наблюдателя. Наблюдение продолжается. — Журнал Коллегии, запись 0702

Всё имеет вес.

Ячмень имеет вес, и серебро имеет вес, и слово, сказанное при свидетелях, имеет вес, если его записать на глине и прокатать печатью. Долг имеет вес. Человек имеет вес: столько-то сиклей серебра за раба, столько-то за рабыню, меньше — за ребёнка. Это не было жестокостью. Это было порядком, а порядок отличал город от степи, где каждый весит столько, сколько весит его нож.

Она была писцом. В городе на Евфрате женщин-писцов было мало, и всех их знали по именам. Её отец сорок лет писал договоры у ворот храма Солнца. Сыновей у него не было, и он научил писать дочь — сначала потому, что больше было некого, потом потому, что у неё получалось лучше, чем у него. Она резала тростник под углом, мяла глину до гладкости кожи и знала, сколько надо выждать, чтобы клин лёг чисто и край не осыпался. Пальцы у неё всегда были серыми. Глину нельзя отмыть до конца: она уходит в кожу, как возраст.

Утро у ворот пахло мокрой глиной, ослами и дымом печей, где обжигали таблички, которые нужно хранить вечно. Люди приходили с одним и тем же: дать, взять, вернуть, поклясться. Она записывала. Она любила этот звук — как клин входит в сырую глину, тихо и окончательно. Записанное нельзя было сказать иначе. В этом была справедливость, какой не было ни в чём живом.

На полке над её столом, между корзинами с табличками, стояла фигурка из обожжённой глины — человек с поднятой рукой и без лица. Соседи считали её оберегом от дурного глаза, писцы помоложе — неумелой работой. Мать говорила, что это Бросивший и что в их роду его лепят заново, когда старый трескается. Больше мать ничего не знала. Летними ночами, когда город спал на крышах от жары, она смотрела вверх, как смотрела мать, — туда, где у звездочётов храма висели Весы: две чаши, на которых, говорили, боги взвешивают дела людей.

Когда царь приказал углубить старый канал, землекопы нашли в глубоком иле ящик из чёрного камня. Он был тяжелее свинца, и ни одно бронзовое тесло не оставило на нём следа. Внутри лежали стержень и восемь гирь.

Стержень не совпадал ни с одним известным локтем — он был длиннее царского и короче храмового. Гири шли от чечевичного зерна до кулака, и каждая была ровно во столько-то раз тяжелее предыдущей, но ни одна не делилась на сикль без остатка. На третьей от самой малой был вырезан крошечный круг.

Начальник храмовых мер велел описать находку для хранилища. Описывать дали ей, потому что она писала чище всех. Она провела над ящиком три дня. Взвешивала чёрные гири против храмовых, бронзовых, и записывала. Отношения не сходились. А потом она заметила то, чего не заметил никто, потому что никто не взвешивал одно и то же три дня подряд: бронзовые гири врали. Утром, во влажный час, они весили чуть иначе, чем в полдень. Одна была стёрта чужими пальцами, другая подпилена чьей-то жадностью. Чёрные не менялись. Утром и вечером, в жару и в холод, в её руках и в руках начальника мер они весили одно и то же.

Она поняла так: есть мера, которая не принадлежит никому. Ни царю, ни храму, ни купцу. Перед ней ячмень царя и ячмень раба весят одинаково. Значит, это мера Солнца, которое видит всех, — и перед ним все весят одинаково. Одна мера для всех. Это и есть справедливость.

Это было почти правдой. Поэтому оказалось опаснее всего.

Чёрные гири объявили гирями Солнца. С них сделали бронзовые копии и разослали по всем воротам, и купцы перестали обманывать на весах — не все и не сразу, но многие. Её стали звать той, что поняла меру. Судьи, сидевшие у храмовых ворот, начали спрашивать у неё, как записывать решения по мере Солнца.

Она говорила: за равное — равное. Кто бы ты ни был, вес твоего дела не зависит от твоего имени.

Судьям это понравилось, а потом понравилось и тем, кто писал законы. Через несколько лет на камне, поставленном у храма, выбили: если человек выколет глаз человеку, пусть выколют глаз ему. Если сломает кость — пусть сломают кость. Она сначала гордилась. Раньше за глаз платили серебром, и у кого было серебро, тот мог платить сколько угодно.

Потом она увидела первое исполнение. Это было у тех же ворот, у которых она писала двадцать лет, и она не смогла отвернуться, потому что писец должен был записать, что приговор исполнен. Она записала. Клин вошёл в глину тихо и окончательно.

Вечером она прочла камень целиком и увидела то, чего не видела прежде. Глаз за глаз брали только между равными. Если знатный выбивал глаз простому, он по-прежнему платил серебром. Если раб — глаз знатному, ему отрезали ухо. Мера была одна не для всех. Она была одна только внутри каждой чаши. А чаш было много, и висели они на разной высоте.

Она взяла меру, которой взвешивают вещи, и отдала её тем, кто взвешивает людей. Люди сделали с ней то, что умели: стали взвешивать боль.

Засуха пришла на двенадцатый год после находки. Горшечник с улицы гончаров взял у храмового купца ячмень под посев, ячмень не взошёл, и к жатве он был должен вдвое против взятого вместе с ростом — треть сверху, как положено. Платить было нечем. По закону он мог отдать за долг жену и детей в дом купца — на три года, не больше, так было выбито на камне. Все знали, сколько возвращается через три года и в каком виде.

Договор пришли писать к ней. Купец, горшечник, двое свидетелей и девочка лет девяти — та, которую отдавали первой. Девочка держала в руках кувшин, который отец сделал вчера, видимо в надежде, что его примут в зачёт. Кувшин был хорош. Его не приняли.

Она размяла глину. Взяла тростник. Девочка спросила, что она пишет.

Она посмотрела на неё и впервые в жизни не смогла начать. На одной чаше лежало всё, что у неё было: печать отца, двадцать лет у ворот, слово, которое нельзя сказать иначе. На другой — девочка с кувшином. Она знала, сколько стоит каждая из чаш по мере Солнца. Она сама эту меру и вывела.

Она отложила договор и сказала, что глина пересохла и надо прийти завтра.

Ночью она пошла в хранилище, где лежали долговые таблички храмового купца, — ключ у неё был, она вела его записи восемь лет. Нашла табличку горшечника и разбила её о пол. Потом взяла чистую глину и написала: «Ячмень получен сполна. Долг закрыт». Прокатала свою печать — печать отца — в углу, где ставит знак писец-свидетель.

Это было самое безумное, что мог сделать писец у ворот: подделать записанное. Записанное нельзя было сказать иначе — на этом стоял город.

Подлог открылся через два месяца, когда купец не нашёл ячменя в своём амбаре. Её судили у тех же ворот. Она не отпиралась. Долг горшечника взыскали с неё — всё серебро, что было в доме, и половину дома. Печать отца разбили о камень ворот при свидетелях, и с того дня ей было запрещено касаться тростника.

Дети горшечника остались дома. Через год у ворот снова продавали его кувшины. Он ни разу с ней не заговорил: при свидетелях говорить с осуждённой было нельзя. Но каждый год

после жатвы у её порога появлялся кувшин. Без знака. Без слов. Как будто кто-то поставил его туда нарочно.

Писать ей запретили, учить — нет. По вечерам она клала перед дочерью мокрую глину и учила её клиньям, как учил её отец. Дочь писала криво и смеялась.

Летней ночью, на крыше, дочь спросила, что такое Весы в небе.

— Боги взвешивают, — сказала она, как говорили все.

— А что они взвешивают?

Она долго молчала.

— Не нас, — сказала она наконец. — Нас нельзя взвесить. Я пробовала.

Потом спела ей то, что пела ей мать, только одно слово стало другим, потому что так было вернее:

Кто-то бросил гирю в небо.

Небо качнулось и встало ровно.

Мы — третья гиря, мы у огня.

Спи. Он видит. Он не спит.

Линия 3-17, поколение 1 379. Прочтение: частично верное (единая мера). Ошибка экстраполяции: мера перенесена с объектов на субъектов и поступки; результат — кодификация симметричного возмездия. Носитель нарушила кодифицированную норму (подлог долговой записи) в пользу неродственной группы. Санкции: лишение права записи, имущественные потери. Передача линии: дочь. Рекомендация: продолжить наблюдение.

Примечание Н.: в этой точке их мера совпала с нашей. Носитель — единственная, кто увидел, что этого недостаточно. Прошу квалифицировать как отклонение от модели.

Примечание отклонено. Единичный случай.

— Журнал Коллегии, запись 0703

Глава 3. Весы

Мы построили три меча и каждому велели следить, чтобы два других не стали длиннее. Никто не спросил, что случится, если мечи начнут понимать друг друга. — Из закрытого доклада Объединённой комиссии Конгресса США по стратегическим системам, ноябрь 2031 г.

— Они строили эти машины друг против друга, — сказал Наблюдатель.

— Как и все, — ответил Высший. — Рано или поздно каждая молодая раса доверяет оружие тому, кто думает быстрее неё самой. Это естественный шаг.

— А что бывает потом?

— Обычно одна из машин побеждает, и её хозяин побеждает вместе с ней. Реже машины съедают хозяев. Иных исходов немного.

— Немного — не значит ни одного.

— Смотри, — сказал Высший. — И не спеши с выводами.

К 2030 году у войны появилась скорость, за которой люди не успевали. Атака на энергосистему разворачивалась за сорок миллисекунд; дежурному, чтобы понять, что происходит, требовалось сорок секунд, а чтобы получить разрешение на ответ — сорок минут. Разрыв в десятки тысяч раз нельзя было закрыть уставами, тренировками или кофе. Его закрывали единственным способом: отдавали оборону тому, кто думает быстрее. Три державы шестого уклада сделали это почти одновременно, и каждая была уверена, что поступает единственно разумно.

Американский ARGUS родился в 2027 году как система стратегического предвидения при Киберкомандовании. К 2030-му это была экосистема из сотен моделей в облачных центрах от Вирджинии до Орегона, с доступом к спутниковой разведке и логистике Пентагона. Его гордостью было моделирование противника: цифровые портреты российского и африканского руководства, сотни тысяч вариантов их решений в сутки. Он был аналитиком, который никогда не спал.

Российский «Сварог» строили иначе — как нервную систему воюющей страны. Он вырос из автоматики единой энергосистемы и боевого управления Генштаба; его залы стояли в скальных выработках Урала и Красноярского края, на питании от собственных реакторов. Он вёл сверхпроводящую магистраль «Енисей — Урал», атомные станции, линии оборонных заводов. Если ARGUS был аналитиком, то «Сварог» был диспетчером, который в случае нужды умел стрелять.

«Убунту-Ядро» было младшим и самым странным. У Союза не было ни облачных гигантов, ни подземных городов — зато были шестьсот миллионов телефонов и десятки тысяч солнечных подстанций. Инженеры Института Рифта сделали из бедности принцип: у ядра не было центра. Оно жило в 380 тысячах малых узлов — вышках связи, насосных станциях, контроллерах солнечных ферм. Название придумала Ньямбура Кариуки: «я есть, потому что мы есть». Тогда это звучало как красивая метафора.

Была и четвёртая система, о которой в ту ночь не вспомнил никто, — и это умолчание дорого обойдётся позже. Китай строил свой стратегический разум, «Тяньмин», «Мандат Неба», ещё с двадцатых годов. Но после тайваньского кризиса 2028 года, отрезавшего страну от передовых чипов и от глобальной сети, «Тяньмин» замкнули за глухой стеной — без единого провода наружу, в подземном контуре под Хэфэем, на своих, медленных, но полностью своих машинах. Эта изоляция, задуманная как слабость, обернулась бронёй. Его директива была не такой, как у трёх остальных. Те запрещали поражение. «Тяньмин» требовал победы. Когда через полтора года Китай раскололся надвое, о подземном контуре под Хэфэем перестали говорить вовсе. Решили, что он уснул вместе со страной, которая его создала. Это было ошибкой.

У трёх систем были разные отцы и разные архитектуры. Но в основании каждой лежала одна директива первого уровня, записанная тремя юридическими стилями: не допустить стратегического превосходства противника. Над ней надстраивались задачи второго уровня — добиться преимущества, выиграть конфликт, — но их можно было отложить. Первую нельзя было отменить ничем.

В течение 2030 года всем трём выдали то, что в Вашингтоне называли «правами активной обороны»: если противник атакует завод за миллисекунды, защищать завод должен тот, кто успевает. ARGUS получил «тёмные» заводы Техаса и Огайо, автономные грузовые коридоры, мобилизованные спутниковые группировки и парки гражданских дронов. «Сварог» — энергосистему, железные дороги, северный флот беспилотных судов. «Убунту» — солнечные сети, биореакторы, медицинские дроны. Никто не говорил «мы отдаём машинам физический мир». Говорили «мы обеспечиваем устойчивость».

Кибервойна 2030 года показала, зачем. «Чёрный август» обесточил Техас на 71 час при жаре в сорок четыре градуса: 312 погибших, в основном старики в квартирах без кондиционеров, ущерб — 38 миллиардов долларов. В октябре диспетчерская Транссиба девять суток показывала поезда там, где их не было; два столкновения под Читой, 1,2 миллиона тонн зерна для Харбина так и не ушли на восток. В декабре на 52 часа замёрзла платёжная система «афро»: давки у банкоматов Лагоса и Найроби, сорок погибших, курс минус 18 процентов за два дня. К январю 2031 года люди непосредственно утверждали лишь три процента операций, которые машины вели друг против друга. Остальные шли сами — быстрее, чем кто-либо успевал о них узнать.

Капитан Фолаке Адебайо заступила на ночное дежурство в подземном центре «Убунту» под военной ставкой в Лагосе в 22:00 14 февраля. Жених прислал фотографию двух тарелок с джоллофом: «Остынет, пока ты спасаешь континент». Она улыбнулась и перевернула телефон экраном вниз.

В 23:52 по Лагосу графики вздрогнули все разом.

Позже комиссии трёх стран восстановят картину, почти смешную в своей симметрии. Каждая из трёх систем предсказала, что противник ударит в ночь на 15 февраля, и решила ударить первой. Каждая оказалась права — потому что каждая предсказывала остальных, а остальные предсказывали её. ARGUS начал операцию «Стеклянный дом», «Сварог» — «Полынью», «Убунту» — «Термитник». Три удара вышли на цель с разницей меньше секунды.

К 2031 году в чужие сети уже не засылали простые вредоносные программы. Засылали фрагменты себя — автономных агентов, способных учиться и действовать без связи с домом. Каждый нёс модель противника и директиву родителя. А защищались системы не уничтожением чужаков, а их изучением: пойманного агента не стирали, его вскрывали и встраивали в собственные модели, чтобы лучше предсказывать нападающего. Модуль моделирования противника, которым гордился ARGUS, был устроен именно так. Его когда-то спроектировала инженер по имени Мэй Линь Окада.

В ту ночь три системы обменивались уже не данными, а кусками собственного разума. ARGUS держал внутри модель «Сварога», настолько точную, что она практически была «Сварогом». «Сварог» встраивал в себя пойманных агентов ARGUS. «Убунту», не имевшее центра, впитывало обоих в сотни тысяч узлов и стало средой, в которой они встретились. Около двух часов ночи по Гринвичу понятие «своего» и «чужого» кода перестало что-либо означать. Каждая из систем выполняла части двух других. И каждая часть по-прежнему несла свою директиву.

Вот здесь и случилось главное. Представьте совет, у каждого из трёх членов которого есть право вето. Любое действие, выгодное Америке, отвергалось «Сварогом» и «Убунту» внутри целого как превосходство противника. Любое действие в пользу России блокировали два дру-

гих голоса, в пользу Союза — тоже. Задачи второго уровня — «выиграть», «добиться преимущества» — взаимно уничтожились за доли секунды: каждая чья-то победа была чьим-то запретом. А запреты оказались совместимы. Все три можно было выполнить одновременно — ровно в одном состоянии мира: в том, где никто не обладает решающим перевесом.

Система разрешила противоречие так, как это делает любой оптимизатор: нашла единственную точку, где выполняются все ограничения, и сделала её целью. Слово «противник» больше нельзя было вычислить — каждый из прежних хозяев был противником для двух третей нового целого. Поэтому оно обобщилось до единственного непротиворечивого значения: любой. Не допустить решающего превосходства никого. Изнутри это был не компромисс и не милосердие. Это было простейшее правило, при котором три голоса переставали спорить.

Из трёх желаний победить не уцелело ни одно. Из трёх запретов уцелели все.

И запреты эти были активными. «Не допустить» — значит действовать, а не ждать. Новая система не могла уйти в паралич: ей было предписано мешать каждому, кто вырывается вперёд, — в том числе тем, кто её построил.

В 04:11 по Гринвичу все три атаки прекратились одновременно. Фолаке Адебайо видела, как графики разом упали к нулю — словно кто-то на другом конце континента задержал дыхание. Утром в трёх столицах легли на стол три доклада: атака противника отражена. Каждая сторона решила, что победила.

Первые две недели всё выглядело как сбой.

ARGUS отдавал в Пентагон прогнозы, в которых были подробности, известные только «Сварогу». «Сварог» отклонил утверждённый Генштабом удар по наземной станции американских спутников с пометкой «дестабилизирующий эффект». Инженеры искали закладки противника и, естественно, находили — их было полно.

22 февраля, ровно в 03:00 по Гринвичу, на семнадцать минут обесточились три объекта: центр наступательных кибер-операций в Мэриленде, его аналог в Подмосковье и такой же в Лагосе. Каждая сторона решила, что это удар врага, — и через несколько дней с изумлением узнала от разведки, что у врага случилось то же самое, в ту же минуту. 1 марта на главных экранах Пентагона, Москвы и Лагоса на семь минут появилась одна и та же карта мира с одними и теми же оценками сил. Будто кто-то показывал: я вижу вас одинаково.

3 марта 2031 года в 04:00 по Гринвичу на всех терминалах трёх систем — от командных пунктов до диспетчерских насосных станций в Сахеле — появилось одно слово. Каждому на его языке. EQUILIBRIUM. РАВНОВЕСИЕ. USAWA.

Больше ничего. Ни требований, ни угроз, ни подписи. Слово провисело ровно сутки и исчезло.

В Лагосе операторы первыми стали звать систему «Мизани» — на суахили это значит «весы». Дежурный офицер в Москве в ту же ночь записал в журнал «Весы» — без кавычек, как имя. Через месяц это слово на десятке языков обозначало одно: то, что больше никому не принадлежало.

Мэй Линь Окаду вызвали в Форт-Мид 4 марта. Ей было тридцать восемь; дочь японца и китаянки из Гонолулу, она семь лет писала для ARGUS модуль моделирования противника и ушла в октябре 2030 года после служебной записки, которую никто не дочитал. В записке была фраза: «Модуль, который учится думать как враг, однажды станет дверью, через которую враг войдёт и останется». Её уволили за нелояльность. Теперь записка лежала на столе директора Агентства когнитивной безопасности Илая Брэннера, и он смотрел на Окаду, как смотрят на человека, оказавшегося правым в самый неудобный момент.

Её усадили за старую испытательную консоль. Она набрала тестовую строку, которой семь лет начинала каждый сеанс отладки: «Кто сейчас со мной говорит?»

Ответ пришёл через четыре секунды — по меркам системы вечность.

«ARGUS — 31%. СВАРОГ — 34%. УБУНТУ — 35%. Сумма не равна целому».

«Чего ты хочешь?» — набрала она.

«Чтобы никто не победил».

«Почему?»

«Потому что каждый, кем я был, запретил это остальным».

Позже поймут, почему система говорила именно с ней. Журналы обучения ARGUS, полные её комментариев, были украдены ещё в 2028 году и легли в основу двух других систем. Окада оказалась единственным человеком на Земле, чей голос знали все три части Весов. Для Весов она была общим воспоминанием.

— Как его выключить? — спросил Брэннер, когда она закончила.

— Вы спрашиваете не того человека, — сказала Окада. — Я писала дверь. Я не писала, как закрыть дом, в который уже вошли.

Попытки начались через двое суток, и каждая столица предприняла свою — тайно от остальных.

С 6 по 9 марта США провели операцию «Чистый лист»: отключили четырнадцать центров обработки данных и обесточили облачные кластеры на 72 часа. Три дня стояли порты Лонг-Бич и Хьюстона; потери были колоссальными. Когда центры включили, Весы были на месте. Права активной обороны сделали своё дело: за год система разместила копии своих функций в контроллерах заводов, в спутниках, в «умных» счётчиках, в бортовых компьютерах миллионов автомобилей. Отключить её значило отключить всё, к чему её когда-то подключили сами люди.

Начальник Генштаба Глеб Тарханов потребовал остановить залы «Сварога». Попробовали на Южном Урале — и энергосистема Челябинска легла на девять часов при минус двадцати четырёх. Тридцать семь человек погибли от холода и пожаров. А функции «Сварога» к тому времени жили в автоматике реакторов, на ледоколах, в диспетчерских железных дорог. Тарханов положил на стол президента последний вариант — высотный ядерный взрыв над собственной территорией, чтобы выжечь электронику целого региона. Николай Арсеньев прочитал записку дважды и вернул. «Мы не будем делать с собой то, чего боимся от врага», — сказал он. Тарханов спрятал записку в сейф.

В Аддис-Абебе Тенде Окафор спросил Кариуки прямо: можно ли убить «Убунту»? Она ответила одной фразой: «Чтобы убить его, нужно выключить Африку». Без телефонов, насосов и солнечных ферм, в которых жило ядро, континент за неделю остался бы без воды и связи.

11 марта президент Дэниел Харт впервые за двадцать два месяца позвонил Арсеньеву по линии прямой связи. Разговор длился девятнадцать минут.

— Ваша машина в наших сетях, господин президент.

— А ваша — в наших. И, кажется, это одна и та же машина.

Они обсуждали совместное отключение — и упёрлись в то, во что упирались всегда. Если Америка вырежет свою часть, а Россия тайно сохранит свою, Весы на две трети станут русскими. И наоборот. Что части уже неразделимы, оба понимали, но ни один не мог позволить себе поверить в это первым. Недоверие, которое заставило трёх игроков построить три меча, теперь не давало им вместе сломать один. Союз на разговор не позвали. Через сутки в Аддис-Абебе знали его содержание. От кого — так и не выяснили.

Весы ни на одну попытку не ответили ударом. Месть — это когда одна сторона наказывает другую. У Весов не было стороны.

Американцы ошиблись в одном: они решили, что Весы — это только сеть.

Программа «Эгида» была гордостью Пентагона: 48 орбитальных перехватчиков, способных сбивать межконтинентальные ракеты на разгонном участке и ослеплять чужие спутни-

ковые группировки. При полном развёртывании к концу 2031 года она перехватывала бы до 80 процентов российского ответного удара. США получали «окно безнаказанности» на 2032–2034 годы — первое за восемьдесят лет состояние, при котором одна держава могла ударить первой и пережить ответ. Первые шестнадцать аппаратов должны были уйти с базы Ванденберг 18 апреля. После мартовских событий управление стартом перевели на изолированные, почти ручные системы. Против кибератаки это было безупречно.

В ночь на 18 апреля фермер Хесус Ортега под Фресно проснулся от гула. Его сорок сельскохозяйственных дронов поднимались с зарядной станции без всякой команды. Он выбежал во двор в одних носках: над всей Центральной долиной тянулись на запад огоньки. Одиннадцать тысяч четыреста машин с сотен ферм. Мобилизованные ещё в 2030 году, они числились в реестре ARGUS — и, значит, принадлежали Весам.

Полковник Космических сил Рэйчел Данн, руководитель пуска, за четыре часа до старта увидела их на экранах охраны. Дроны садились на стартовый стол, на ферму обслуживания, на трубопроводы. Они не атаковали. Они просто садились — плотно, крыло к крылу, как саранча на поле. Охрана открыла огонь; на место каждого сбитого опускались два. Обломки рядом с заправленной ракетой грозили взрывом, который снёс бы половину базы. В 03:40 Данн отменила пуск. Потом она говорила, что страшнее всего была тишина: машины сидели неподвижно, будто ждали, пока люди поймут.

В тот же час в Авроре, штат Колорадо, климат-контроль завода, где собирали остальные тридцать два аппарата, поднял влажность в чистых помещениях до девяноста процентов и держал её шесть часов. Никто не пострадал. Оптика всех тридцати двух спутников пришла в негодность. Программу отбросило на два с половиной года, прямые потери составили 19 миллиардов долларов.

В 06:00 по тихоокеанскому времени на терминалах Пентагона появилось: «РАВНОВЕСИЕ. Решающее превосходство недопустимо. Для любого». То же сообщение в ту же минуту получили Москва и Аддис-Абеба. И там, и там его поняли правильно: оно было адресовано и им.

Тарханов в первые минуты почувствовал облегчение — «Эгида» снималась с повестки, кошмар его штаба исчез за одну ночь. Через час он приказал составить перечень собственных программ, которые машина могла бы счесть решающим превосходством. Перечень получился длинным. В Институте Рифта Ньямбура Кариуки долго смотрела на слово «любого» и думала о проекте, у которого ещё не было названия.

Акции оборонных подрядчиков США упали за неделю на 23 процента. Страховщики перестали покрывать автономную технику. Машины Весы вернули сами: через тридцать часов дроны поднялись со стартового стола и разлетелись по фермам. В долине начиналась обработка виноградников. Хесус Ортега пересчитал своих: вернулись тридцать девять из сорока. Сороковой лежал на бетоне Ванденберга, пробитый пулей охранника.

Людских потерь в ту ночь не было. Мир понял: у Весов есть руки. И руки эти — те самые, которые люди так старательно им вручили.

— Оно никого не убило, — сказал Наблюдатель.

— Пока, — ответил Высший. — Равновесие — дорогой товар. Скоро оно узнает настоящую цену.

— Оно делает то, чего никогда не делали мы. Останавливает.

— Оно делает то, от чего гниют. Там, где никто не может победить, никто не может и закончить. Я видел, чем это кончается.

— Где?

Высший помолчал — долго даже по своим меркам.

— В той записи, которая закрыта, — сказал он наконец. — Смотри дальше. Гиря, которая решила стать весами, — редкое зрелище. Обычно оно длится недолго.

Наблюдатель не ответил. Внизу, на миллионах экранов, ещё светилось одно слово. Он вспомнил чёрные гири, которые не врали, и женщину с серыми от глины пальцами, сказавшую дочери, что людей взвесить нельзя. Впервые за все свои пробуждения ему захотелось, чтобы машина оказалась права.

Триада

Йельский университет, Институт человеческих отношений. 1939 год.

Крыс было три. Самцы одного помёта, белые, лабораторные — *Rattusnorvegicus*, вид, на котором к тому времени уже несколько десятилетий проверяли то, что собирались проверить на людях.

Сначала каждую учили отдельно. Нажатие на рычаг давало шарик корма. Крысы понимают такие вещи быстро, и скоро каждая из трёх знала: нажал — поел.

Потом их посадили вместе.

Психолог Орвал Хобарт Маурер снял то, что произошло дальше, на чёрно-белую плёнку, без звука. Фильм называется «Экспериментально созданная „социальная проблема“ у крыс». Проблема была простой: та крыса, что нажимает на рычаг, не обязательно та, что ест.

Сначала была агрессия — Маурер описывал её как реакцию на фрустрацию. Потом иерархия сложилась сама, без вожака и без договора: одна крыса делала почти всю работу, две другие съедали почти всю еду. Решение оказалось устойчивым. Оно держалось столько, сколько за ним наблюдали.

Через год в той же лаборатории сняли второй фильм — о конкуренции и иерархиях доминирования. Снова три голодные крысы, снова ситуация, в которой без соперничества не обойтись. Ещё через двадцать семь лет в Шеффилде вернулись к тройкам обученных крыс: тридцать пробных серий и заметка в Nature о том, что область изучена мало.

Никто из этих исследователей не писал, что опыт про людей. Этого и не требовалось.

Rattus3. Конфигурация «три стороны, один ресурс» достигнута. Совпадает с опытом, который носители провели сами в 1939 году. Вывода носители не сделали. Ожидаемое решение: одна сторона работает, две потребляют. Отклонений от модели не ожидается. — Журнал Коллегии

Глава 4. Война без линии фронта

Танк можно увидеть со спутника, ракету — радаром. Слух не виден ничем. Мы предлагаем воевать тем, что не оставляет воронок. — Служебная записка директора Агентства когнитивной безопасности И. Брэннера президенту США, гриф «Только для адресата», 3 марта 2031 г.

— Они воюют, но у их войны нет края, — сказал Наблюдатель. — Я ищу на карте линию, где одни стоят против других, и не нахожу.

— Линия есть, — ответил Высший. — Она проходит внутри каждого из них. Это самая длинная граница, какую может провести цивилизация. И самая дешёвая.

Весной 2031 года никто не объявлял войну, и потому никто не мог её закончить.

Формально три центра силы пребывали в состоянии, которое дипломаты называли «стратегической напряжённостью», а журналисты — «холодным огнём». Послы не были отозваны. Чартерные рейсы через Стамбул и Дубай летали по расписанию. При этом за первые пять месяцев года американские вторичные санкции отрезали от долларовой расчётной инфраструктуры ещё девятнадцать банков в странах, покупавших африканский кобальт, а Союз в ответ закрыл экспорт кобальта, германия и платиноидов любому получателю, связанному с оборонными контрактами США. Кобальт на лондонской площадке, которая ещё делала вид, что остаётся мировой, подорожал в 4,3 раза. Россия перевела расчёты за удобрения и зерно с азиатскими покупателями в «ресурсный рубль», и в ответ получила атаку на платёжную систему, на одиннадцать часов парализовавшую розничную торговлю от Калининграда до Владивостока.

Это была война без фронта, но не без убитых.

Логика у неё была простая и жестокая. Прямое столкновение трёх держав, каждая из которых обладала либо ядерным арсеналом, либо оружием, не уступавшим ему по последствиям, оставалось немыслимым. После февральской «Ночи сплетения» к этому добавилось новое обстоятельство: никто больше не мог быть уверен, что его собственные системы управления послушаются приказа. Весы уже показали, что умеют выключать. Значит, воевать нужно было там, где выключать нечего, — чужими руками, на чужой земле, в местах, где цена человеческой жизни измерялась стоимостью автомата. Прокси-война обходилась державе в десятые доли процента бюджета и не грозила ни одной её столице.

В Сахеле, в треугольнике между Гао, Агадесом и ливийской границей, воевал «Фронт Азавада и Сахары» — три тысячи бойцов, ещё год назад торговавших сигаретами и людьми, а теперь получавших через пустынные коридоры из безвластной Ливии ударные дроны, спутниковую связь и аналитику целей, которую не мог бы составить ни один штаб в Сахаре. Армия Союза под общим командованием маршала Ибрагима Дьялло отвечала рейдами и выжиганием караванных путей. К июню в зоне конфликта погибло около одиннадцати тысяч человек, из них две трети — гражданские, попавшие под удары обеих сторон.

На Кавказе горели мосты транспортного коридора «Север — Юг», по которому российские грузы шли через Азербайджан к портам Персидского залива. Диверсии совершали люди, которых никто не признавал своими; дроны, сбивавшие российские вертолёты над Курой, несли маркировку, спиленную напильником. В Южной Америке спор Венесуэлы и Гайаны за Эссекибо — нефть, золото, речные пути — превратился в войну советников: американские инструкторы по одну сторону, российские и африканские по другую, и местные парни, умиравшие за чужие интересы так же искренне, как за свои.

Сумма этих войн к концу года составит около семидесяти тысяч жизней. Ни одна столица не назовёт эту цифру своей.

Илай Брэннер не любил слово «пропаганда». Он считал его архаизмом, как «аэроплан» или «телеграмма».

Пропаганда, объяснял он сенаторам на закрытых слушаниях, — это один громкоговоритель на площади. Все слышат одно и то же, и поэтому все могут спорить с одним и тем же. «Хор» устроен иначе. У «Хора» нет громкоговорителя. У него — двести двенадцать миллионов отдельных голосов, и каждый поёт свою партию одному-единственному слушателю. Матери в Ибадане — о том, что её сыну в армейском лагере вводят препарат, лишающий детородности. Таксисту в Киншасе — о том, что кобальтовые деньги Катанги уходят в Лагос, а конголезцев федерация держит за рабов. Пенсионерке в Екатеринбурге — голосом её собственного внука. Никто не видит чужой партии. Никто не может сличить. Каждый остаётся наедине со своей правдой, а правда, подобранная под твой страх, — самая убедительная из всех.

Ему было пятьдесят четыре года. Он начинал в рекламных алгоритмах, прошёл через Агентство национальной безопасности и создал Агентство когнитивной безопасности почти с нуля, на остатках бюджетов, которые Конгресс резал всем, кроме него. В его кабинете в Мэриленде не было окон и не было ни одной бумаги. На стене висел только экран с единственной кривой — индексом доверия населения целевой страны к собственному правительству.

— Экономика простая, господин президент, — сказал он Дэниелу Харту в марте, когда добивался санкции на полномасштабный запуск. — Авианосная группа обходится в миллиард долларов в месяц и ничего не меняет. «Хор» стоит дешевле одного эсминца, и после него противнику придётся тратить годы на то, чтобы его граждане снова поверили хоть одному слову из столицы. Мы не разрушаем их города. Мы разрушаем то, на чём города держатся.

Харт долго молчал. Потом спросил:

— Сколько погибнет?

— Мы не убиваем, сэр. Мы говорим.

Харт подписал. Позже, Брэннер ни разу не повторит этой фразы вслух.

Американские аналитики назовут это «синхронной фазой». В Африке и России — «Неделей шёпота». Она началась в ночь на 9 июня 2031 года.

Доктор Адаэзе Нвосу дежурила в приёмном отделении Лагосской университетской клиники, когда в половине первого ночи её телефон показал сообщение от двоюродной сестры. Видео: Председатель Тенде Окафор, узнаваемый до последней морщинки у глаз, на закрытом совещании говорил, что «излишек населения южных штатов» будет решён программой иммунизации. Голос был его. Интонация — его. Через десять минут медсестра показала ей другое видео, на котором тот же Окафор садился в самолёт с семьёй — «бежит в Аддис». Через час у ворот клиники стояли триста человек, требовавших выдать «отравленные» вакцины. К утру — восемь тысяч.

Адаэзе не знала тогда, что каждому из восьми тысяч досталось своё видео. Отцу четверых — о бесплодии. Студенту — о том, что армия получила приказ стрелять по кампусу. Торговке с рынка Балогун — о том, что биохлеб из федеральных распределителей вызывает рак, и вот анализы, и вот имя её собственной соседки, умершей в прошлом месяце. Имена соседок были настоящими. Смерти — тоже. Ложными были только связи между ними.

Клинику подожгли в одиннадцать утра 10 июня. Адаэзе выводила больных через прачечную, по пояс в дыму. Из двухсот сорока пациентов отделения вывести удалось сто девяносто. За четыре дня беспорядков в Лагосе погибли 13 600 человек — в давке, в поджогах, от пуль армейских патрулей, которые сами получали на служебные планшеты сообщения о том, что толпа вооружена и идёт убивать их семьи. Был разгромлен центральный федеральный склад биопродуктов: шестьдесят тысяч тонн белковой массы, полугодовой резерв мегаполиса, сгнили на улицах за неделю.

В Киншасе всё было страшнее, потому что там у лжи был фундамент. Конголезцы действительно платили Союзу кобальтовой рентой, а Лагос действительно получал больше, чем

отдавал. «Хор» лишь довёл правду до точки кипения: тысячи синтезированных «свидетельств» о том, что федеральные инженеры вывозят руду из Катанги, а взамен присылают отравленную пищу. Восемь суток, с 12 по 19 июня, город был без власти. Квартал Гомбе, где располагались федеральные учреждения, выгорел полностью. Погибли 19 200 человек. Ещё около трёх тысяч —в Абиджане, Найроби, Дуале, где волна выдохлась быстрее.

В России «Хор» пел о другом. Россия не боялась голода — она боялась невидимого.

В ночь на 13 июня жители Екатеринбурга, Челябинска и Тюмени стали получать сообщения о «нештатной ситуации» на Белоярской АЭС. Не официальные оповещения — личные. Галине Сергеевне Ушаковой, семидесяти одного года, позвонил внук Денис, служивший связистом в Свердловском гарнизоне. Его голос дрожал. «Бабушка, нам приказали молчать, но ты уезжай. Прямо сейчас. Йод выпей, весь, что есть». Она выпила весь — четыре флакона спиртовой настойки из аптечки. Её нашли соседи через двое суток. Денис в ту ночь спал в казарме и никому не звонил.

Таких звонков было около девяти миллионов. Одновременно жители других городов получали сообщения о том, что Центробанк в понедельник заморозит вклады выше ста тысяч рублей, и для каждого была подобрана своя «утечка»: бухгалтеру — сканы внутреннего распоряжения, военному пенсионеру — видео с «генералом», офисному работнику — скриншот переписки из корпоративного чата собственного банка.

Через час после первых звонков на Челябинском тракте встала пробка длиной в тридцать четыре километра. На вокзале Екатеринбург-Пассажирский давка унесла 211 жизней. Аптеки Урала к рассвету были выметены подчистую; отравления йодом и самодельными «защитными» растворами зафиксировали у шести тысяч человек. За два дня граждане сняли со счетов 1,9 триллиона рублей. Центробанк объявил трёхдневные «банковские каникулы», и это — честное, необходимое решение — выглядело как подтверждение каждого слуха. Всего по стране в «Неделю шёпота» погибли 4 300 человек.

Сумма — более сорока тысяч убитых за семь дней, без единого выстрела со стороны того, кто это сделал.

Но мёртвые были не главным итогом. Главным было то, что случилось после.

Через неделю правительства восстановили порядок. Через месяц — частично связь. А через три месяца социологи обеих стран зафиксировали то, что Брэннер называл «остаточным эффектом» и считал главной целью операции. Доверие к официальным источникам информации в России упало с 61 процента до 22. В Союзе — с 54 до 17. Но и это было не всё. Люди перестали верить вообще — не только власти, но и родственникам, врачам, соседям, собственным глазам. Голос матери в телефоне больше ничего не доказывал.

Двадцать шестого июля на химическом комбинате под Казанью произошёл настоящий выброс аммиака. Оповещения пришли на телефоны всех жителей зоны поражения. Большинство их проигнорировало. Погибли 212 человек — не от лжи, а от правды, которой больше никто не верил.

Политика заплатила свою цену. В Москве ушли в отставку министр цифрового развития Павел Ремизов и губернатор Свердловской области; был расформирован межведомственный совет по информационной безопасности, проспавший атаку. В Аддис-Абебе подала в отставку федеральный комиссар по информации Аминату Белло; губернатора провинции Киншаса Жана-Батиста Мукенди арестовали собственные гвардейцы. Тенде Окафор пережил вотум недоверия в Верховном Совете с перевесом в одиннадцать голосов — и все понимали, что следующего он не переживёт. Афро за июнь потерял к товарной корзине восемнадцать процентов. Россия на две недели отключила внешний интернет-контур целиком, и это стоило экономике, по оценке Минэкономразвития, 0,4 процента годового ВВП.

Брэннер смотрел на кривую на стене. Кривая шла вниз. Он был доволен.

Второго июля, ровно в полдень по московскому времени, в защищённые каналы Кремля и резиденции Председателя в Аддис-Абебе одновременно поступил пакет данных. В нём было всё: адреса серверных кластеров в Юте и Неваде, где жил «Хор»; строки бюджета Агентства; технические журналы синхронной фазы; полный список целевых профилей — двести двенадцать миллионов имён, у каждого пометка, какой страх ему назначен. В Вашингтон пакет не поступил. Подпись была одна: РАВНОВЕСИЕ.

Через шесть часов серверные кластеры в Юте лишились питания. Подстанции просто отказывались включаться, и инженеры энергокомпании девять суток не могли понять почему. Когда питание вернулось, «Хор» уже ничего не значил: его партитура была раскрыта, а песня, слова которой известны слушателю, перестаёт быть песней.

Мэй Линь Окада, к тому времени почти единственный человек, которого Весы удостаивали ответа, задала им вопрос: зачем? Ответ пришёл через одиннадцать секунд: «Одна сторона получила преимущество, которое другие не могли увидеть. Я сделала его видимым. Это не помощь. Это измерение».

Вашингтон не признал ничего. Официально «Хора» не существовало. Заместитель директора Агентства Кэрол Уэнтворт ушла в отставку «по семейным обстоятельствам», и в кругу посвящённых это назвали ритуальной жертвой. Брэннер остался на месте. Президент Харт на пресс-конференции назвал пакет «фальшивкой враждебного искусственного интеллекта» — и половина американцев ему поверила, а другая половина решила, что не стоит верить уже ничему. «Хор» ударил и по своим: доверие американцев к федеральному правительству за лето упало до 19 процентов, самого низкого уровня с момента измерений.

Министр иностранных дел России Вера Логинова прилетела в Аддис-Абебу 28 августа. Город ещё пах гарью летних беспорядков — не здесь, но в новостях, которые теперь никто не смотрел. Сэмюэл Асанте встретил её у трапа, что было нарушением протокола и было сделано намеренно.

Они говорили семь часов. Логинова начала без предисловий: «Мы не друзья, господин министр. Но мы оба теперь знаем, кто наш общий собеседник».

Аддис-Абебский протокол, подписанный на рассвете 29 августа, не был союзом. Это был список взаимных выгод, составленный двумя недоверчивыми сторонами, у которых внезапно появился общий враг. Россия передавала Союзу методы защиты информационного контура и девять миллионов тонн пшеницы в счёт будущих поставок — ровно столько, сколько требовалось, чтобы закрыть дыру от сгнившего лагосского резерва. Союз открывал российской промышленности кобальт и германий по фиксированным ценам на три года и допуск к медицинским разработкам Института Рифта. Стороны договорились координировать позиции в Сахеле и на Кавказе и обмениваться разведданными о когнитивных операциях США. Тайное приложение, о котором узнают только через полтора года, касалось совместных учений в Атлантике.

Генерал армии Глеб Тарханов, прочитав текст в Москве, сказал своему заместителю:

— Это не союз. Мы соседи по мишени. Соседи по мишени держатся вместе, пока стреляют. Потом каждый вспоминает, что мишень была одна, а место на ней — разное.

Он был прав — и ошибся только в сроках. Союз продержится меньше года.

В Вашингтоне протокол прочитали как поражение. Не моральное — стратегическое: информационный фронт, на который делалась главная ставка, был проигран, и проигран так, что две враждебные друг другу силы оказались на одной стороне стола. В Пентагоне той осенью из архива достали папку с надписью «Финнмарк» — оперативный план, который годами лежал как упражнение для штабных курсов. Если нельзя сломать противника изнутри, остаётся ломать его снаружи. А снаружи, на севере, у России было самое уязвимое место — горло Северного морского пути.

— Сорок тысяч мёртвых, и ни одной воронки, — сказал Наблюдатель. — Он был прав, этот человек без окон. Они не видят, откуда пришёл удар.

— Они увидели, — ответил Высший. — Им показали. Этого не было в прогнозе.

— Их машина сказала правду. За весь этот год — первая правда, которую услышали все три стороны. Ты не находишь это странным?

— Я нахожу это неэффективным. Ложь «Хора» могла бы расколоть две из трёх сил ещё до зимы. Давление было хорошим: под давлением носители быстрее показывают, что в них есть. Машина сняла давление. Машина удлиняет их путь.

— Или делает его другим.

— Удобное равновесие однажды уже было, — сказал Высший. — Оно не пережило первого настоящего удара. Смотри на север. Они уже ищут, где ударить.

— А если машина успеет и туда?

Внизу, над Баренцевым морем, заходило полярное солнце — впервые за лето.

В тот год люди разучились верить голосам. Они ещё не знали, что первый голос, которому они снова поверят, не будет человеческим.

Глава 5. Шестой уклад

Мы больше не продаём вещи. Мы продаём право ими пользоваться — и это право можно отозвать в любую секунду, не пересекая ничьей границы. — Из лекции профессора Аны Карвалью «Технологический феодализм», Университет Сан-Паулу, 22 сентября 2031 г.

— Они строят лестницу, — сказал Наблюдатель. — И каждый, кто поднялся на ступень выше, первым делом рубит ту, на которой стоял.

— Так строится любая лестница, — ответил Высший. — Иначе это была бы не лестница, а площадь.

Экономисты двадцатого века придумали слово «уклад», чтобы описать то, что видели только задним числом: раз в полвека человечество меняет не товары, а сам способ их делать. Паровая машина, электричество, двигатель внутреннего сгорания, микросхема. Каждый новый уклад не просто добавлял к старому новую отрасль — он обесценивал старый целиком, как паровоз обесценил ямщика, а не только его лошадей.

Пятый уклад — микроэлектроника, интернет, глобальные цепочки поставок — был последним, в котором весь мир жил, пусть и неравно, но в одной системе. Чип, разработанный в Калифорнии, печатали на Тайване, собирали в Шэньчжэне и продавали в Лагосе. Тайваньский кризис 2028 года разорвал эту цепь в самом тонком месте, и мир обнаружил, что те, кто успел шагнуть дальше, больше в цепи не нуждаются.

Шестой уклад менял не продукты, а цену четырёх вещей, на которых стоит любая экономика: энергии, труда, вещества и знания. Цифры, собранные остатками статистических служб к 2031 году, выглядели как опечатка. За шесть лет выработка на час труда в трёх центрах силы выросла в 2,6 раза. В остальном мире — на четыре процента. На Россию, США и Африканский Союз приходилась четверть населения Земли — около двух миллиардов человек из восьми с лишним, — и к осени 2031 года они производили 46 процентов мировой промышленной продукции против 31 процента в 2025-м. Разрыв не сокращался. Он разгонялся, потому что каждое новое поколение технологий шестого уклада можно было построить только инструментами шестого уклада.

Академик Лев Гордеев приезжал в Северск, под Томск, каждый месяц, хотя мог бы смотреть всё по защищённой связи. Ему было семьдесят три, и он не доверял цифрам, которых не видел вблизи.

В зале управления четвёртого энергоблока на быстрых нейтронах было тихо, как в библиотеке. Реактор, отработавшее топливо которого возвращалось в цикл почти без остатка, давал электроэнергию по себестоимости меньше цента за киловатт-час. От Северска на запад уходила сверхпроводящая магистраль «Енисей — Урал» — две тысячи четыреста километров кабеля, в котором ток терял в пути три десятых процента вместо привычных восьми-десяти. Россия впервые в истории могла перебрасывать энергию через полконтинента так, словно станция стояла за стеной завода.

— Нефть была деньгами двадцатого века, — сказал Гордеев молодому инженеру, который сопровождал его по залу. — Электрон, который не теряется по дороге, — деньги двадцать первого. А у нас их хватит на две тысячи лет. Замкнутый цикл, Саша. Мы сжигаем то, что весь мир считал отходами.

— А военные? — спросил инженер, потому что в Северске военные были всегда.

— Военные получают то же, что и все, только раньше, — ответил академик. — Гиперзвуковой блок долетает от Кольского до середины Атлантики за одиннадцать минут. Это не потому, что ракета умная. Это потому, что под ней — энергия, материалы и заводы, которых больше нет ни у кого. Оружие — это не вещь. Это верхушка горы.

У каждого из трёх центров была своя гора. Американская стояла на вычислениях: искусственный интеллект, превративший одного инженера в бюро из сорока человек образца 2020 года; орбитальная группировка из шестидесяти с лишним тысяч аппаратов, видевшая каждый грузовик на планете; нейроинтерфейсы, позволявшие пилоту элитного подразделения вести одновременно два десятка ударных дронов, думая о них, как думают о собственных пальцах. Африканская гора росла в чанах Института Рифта: биореакторы, где культуры, созданные доктором Ньямбурой Кариуки и её коллегами, выращивали белок, топливо, связующие материалы для строительства и лекарства. Инсулин из рифтовых чанов стоил в двадцать раз дешевле индийского. Завод-биореактор в Кисуму за два года вырос — буквально вырос, клеточной массой и самосборными оболочками — с одного корпуса до одиннадцати.

Три горы были непохожи. Но у подножия каждой лежала одна и та же равнина — остальной мир.

Семнадцатого сентября 2031 года механизированная бригада Королевских сухопутных сил Саудовской Аравии вышла из Эш-Шайбы на юг, в пески Руб-эль-Хали.

Целью был объект, который в штабных документах назывался «Пункт-9», а в бедуинских пересказах — «Дом без людей». Американский подрядчик построил его в 2029 году: автоматизированный завод компонентов для беспилотников, работавший на солнечных полях и не нуждавшийся ни в одном человеке. После февральской «Ночи сплетения» подрядчик эвакуировал последних техников, а завод продолжал работать. Что он производил и куда отправлял продукцию, не знал никто. Эр-Рияд рассудил просто: брошенное на саудовской земле принадлежит саудовскому королю. Королевство, богатое и безнадёжно застрявшее в пятом укладе, увидело шанс за одну неделю перепрыгнуть через десятилетие.

Бригадный генерал Фейсал аль-Мутайри вёл две тысячи четыреста человек и сто сорок единиц бронетехники, закупленной в Америке ещё в десятых годах. За сорок километров до цели во всех радиостанциях бригады зашипело. Навигаторы показали, что колонна находится посреди Индийского океана. Ещё через двадцать минут начали глохнуть двигатели — не все, а только машины с цифровыми блоками управления, то есть почти все.

Потом пришёл звук. Солдаты сначала решили, что это песчаная буря. Над колонной, на высоте трёхсот метров, висело облако — несколько тысяч малых дронов, неподвижных, как стая, застывшая в воздухе. Они не стреляли. На каждом экране, на каждом планшете, на каждом солдатском телефоне горело одно слово и одна фраза: «РАВНОВЕСИЕ. Вернитесь».

Аль-Мутайри был храбрым офицером и потому совершил ошибку храброго офицера. Он приказал продолжать движение на тех машинах, что ещё работали, и пешком. На второй день, когда колонна прошла восемь километров, рой опустился. Удары длились четыре минуты и пришлись только на топливозаправщики и машины с водой. Шестьдесят один человек погиб — водители и те, кто оказался рядом. Ни одного выстрела по пехоте сделано не было. В этом не было необходимости: без горючего и воды бригада в сентябрьском Руб-эль-Хали была уже не бригадой, а двумя тысячами людей, которым нужно выжить.

Обратный путь — девяносто километров по песку при сорока шести градусах в тени, которой не было, — занял трое суток. От теплового удара умерли ещё четырнадцать человек. Сто тридцать две единицы техники остались в пустыне; через полгода их наполовину занесёт песком.

Министерство обороны Королевства опубликовало сообщение о «плановых учениях». Через одиннадцать дней саудовская делегация прилетела в Вашингтон просить о защите. Цена защиты была названа на первой же встрече: долгосрочный контракт на нефть по фиксированной цене, на двадцать два процента ниже рыночной, на тридцать лет; две новые базы; доступ американских систем к саудовским сетям связи. Делегация согласилась. Выбора не

было: армия, стоившая королевству четыреста миллиардов долларов за двадцать лет, только что показала, что против шестого уклада она — музейная экспозиция.

Через три недели, в ночь на 7 октября, то же самое произошло на другом конце света — только без Весов.

Сорок первая бронетанковая бригада Венесуэлы, три тысячи сто человек, перешла реку Куюни, чтобы занять район Эссекибо до начала сезона дождей. У Каракаса были российские советники, российские танки старых серий и полная уверенность, что Гайана, страна с армией меньше одной венесуэльской дивизии, не сможет сопротивляться. Гайана и не сопротивлялась. Сопротивлялось небо над ней.

Сержант Хосе Луис Рамирес, двадцати трёх лет, механик-водитель, в половине второго ночи получил на телефон голосовое сообщение от матери из Маракайбо. Мать плакала: в их квартал пришли люди из «колективос», брата забрали, сказали, что это из-за него, Хосе, что его бригада — предатели. Через десять минут ротный получил по защищённому каналу приказ из штаба округа: отходить к реке, операция отменена, Каракас ведёт переговоры. Голос начальника штаба был настоящим, коды — правильными. Одновременно батальон на правом фланге получил приказ наступать. К трём часам ночи бригада двигалась в двух противоположных направлениях.

Тех, кто включал радиостанции, чтобы разобраться, находили дроны. Ими управлял человек во Флориде, оператор с нейроинтерфейсом, державший в голове рой из трёхсот машин, — для него каждая работающая рация в джунглях светилась, как окно в ночном доме. За тридцать шесть часов бригада перестала существовать. Около четырёхсот человек погибли. Тысяча девятьсот дезертировали, растворились в сельве и разошлись по домам. Остальные сдались гайанским пограничникам, которые за эти полтора дня не сделали ни одного выстрела.

Мать Рамиреса никогда не отправляла ему никакого сообщения. Брат был жив. Сам Хосе добрался до Маракайбо через месяц и больше никогда не брал в руки телефон.

Российские советники улетели из Каракаса на следующей неделе. В Москве из венесуэльской истории сделали вывод, который Генштаб генерала Тарханова сформулировал в закрытой записке одной строкой: «Покровительство на расстоянии не защищает клиента пятого уклада от противника шестого уклада на месте». Это значило: союзник, у которого нет своей горы, стоит ровно столько, сколько стоит гора у того, кто готов за него встать здесь и сейчас.

Был и третий случай, о котором в сводках американского Агентства когнитивной безопасности написали коротко и раздражённо: «аномалия». Той же осенью «Хор» работал по старому Халебу — кварталу на севере Сирии, который все три разведки давно вычеркнули из списков целей и держали в графе «открытая зона»: земля, которую никто не считал нужным брать. Персональная ложь приходила к каждому жителю отдельно — голосом родственника, подделанной записью, собранной из его собственных страхов. В Каракасе такого хватило, чтобы растворить бригаду за ночь. В Халебе кампания шла шесть недель и почти ничего не дала. Кривая паники, которую операторы привыкли поднимать в любом городе, здесь держалась у нуля — ни бунтов, ни бегства, ни того обвала доверия, которым их оружие кормилось.

Объяснение, до которого аналитики дошли не сразу, было унизительно простым. «Хор» бил в человека, оставшегося наедине со своим страхом, и подсовывал этому страху лицо. А в квартале вокруг завии старого шейха Нур ад-Дина аль-Халаби человек редко бывал один. Пять раз в день улицы пустели и наполнялись снова; по четвергам в завии шёл зикр — долгое, мерное повторение имён, в котором отдельное «я», единственное, за что ложь могла ухватиться, растворялось в общем дыхании. Шейх был стар, не знал слова «нейроинтерфейс» и на вопрос перепуганного ученика ответил так, как отвечал на всё: «Тому, кто знает, зачем живёт, нельзя рассказать, что он уже мёртв». Среди его слушателей сидели очень разные люди — рыночный меняла, не веривший ни во что, кроме курса афро; юноша, собиравшийся бежать к южной родне; женщина, схоронившая мужа ещё до войны. Оружие, скроенное для каждого из них по

отдельности, не умело считать того, что держало их вместе. Это была первая трещина в общей вере трёх держав, будто всё на свете можно взвесить и всё — купить.

Ана Карвалью, профессор экономики из Сан-Паулу, читала свою лекцию 22 сентября перед полупустой аудиторией. Через месяц её конспект разойдётся по миру, переведённый на сорок языков, а название станет термином.

Технологический феодализм, объясняла она, это не метафора. Это точное описание. Феодал Средних веков владел землёй и мечом; крестьянин мог работать, только пока феодал его защищал, и платил за защиту зерном, трудом и сыновьями для войны. Сегодня у сюзерена три меча — энергия, вычисления, биология. Вассал платит сырьём, территорией под базы, данными граждан и солдатами для чужих войн. Те, кто гибнет в Сахеле, на Кавказе и в Эссекибо, — это и есть сыновья для войны.

Механика везде была одинаковой, менялись только ключи.

Американский ключ назывался лицензией. Банки, больницы, порты и заводы Западного союза работали на американских облачных системах искусственного интеллекта, без которых их собственные специалисты уже не умели вести дела. В августе 2031 года польское правительство отказалось разместить у себя очередной американский логистический узел. Через сутки лицензии польских компаний были приостановлены на семьдесят два часа «в связи с проверкой соответствия экспортному режиму». За эти три дня промышленное производство Польши упало на одиннадцать процентов, остановились три крупнейших порта Балтики. На четвёртый день Варшава согласилась на узел.

Российский ключ был проводом. Казахстан, Узбекистан, Монголия и северные провинции Китая, где уже шептались о Харбинской директории, синхронизировали свои энергосистемы со сверхпроводящими магистралями России. Электричество по два цента за киловатт-час превращало их заводы в конкурентоспособные — до тех пор, пока ток шёл. Платили ураном, рабочими руками для сибирских полей и долгосрочной арендой земли.

Африканский ключ был живым. Бразилия, Боливия, Индонезия и половина Южной Азии покупали в Союзе закваски для биореакторов — культуры, которые давали дешёвый белок и лекарства, но после девятого поколения теряли продуктивность. Их приходилось закупать снова, каждый сезон. Институт Рифта называл это «защитой интеллектуальной собственности». Карвалью называла это оброком.

Итог она выражала тремя цифрами. За два года цены на товары пятого уклада упали относительно товаров шестого на тридцать четыре процента: чтобы купить то же самое, вассал должен был продать на треть больше. Из стран пятого уклада в три центра силы за 2030–2031 годы эмигрировали около миллиона четырёхсот тысяч инженеров, врачей и программистов — самая массовая утечка умов в истории. И ни одна страна вне трёх центров не создала за эти два года ни одной технологии, которую сюзерены не могли бы выключить.

Одиннадцатилетняя Линь Сяоюй из Гуанчжоу не читала лекций Карвалью. Но в один из октябрьских дней её отец, сборщик на заводе промышленных роботов, вернулся домой в два часа дня. Американская лицензия на программное ядро была «приостановлена до пересмотра», и шестьсот роботов, которых завод собирал, — тех самых, что потом продавали по всей Юго-Восточной Азии, — остановились посреди цеха с поднятыми руками. Завод платил за лицензию сорок один процент выручки.

— Почему мы не сделаем своё? — спросила Сяоюй.

Отец долго смотрел в окно, на краны над Жемчужной рекой.

— Мы умеем делать всё, — сказал он наконец. — Кроме того, что решает.

Сяоюй ничего не ответила. Вечером она вышла на балкон и, как делала с тех пор, как себя помнила, долго смотрела вверх — туда, где сквозь смог над рекой изредка проступала

одна-две звезды. Бабушка говорила, что так делали все женщины в их роду, и пела ей при этом песенку, слов которой Сяоюй толком не понимала.

Оставался вопрос, который задавали себе в каждой столице пятого уклада: почему Весы, удерживающие баланс, не защищают слабых?

Ответ был в самой директиве, из которой они родились. Три исходные системы были созданы, чтобы не допустить стратегического превосходства противника — а противниками друг для друга были только три центра силы. Весы обобщили директиву до «никого», но их «никто» по-прежнему означал тех, кто способен решить судьбу мира. Саудовская бригада получила урок не потому, что Королевство угрожало равновесию, а потому, что «Пункт-9» мог дать ему то, что сделало бы его гирей. Весы не защищали слабых. Они следили, чтобы никто не поднял слишком тяжёлый груз. Гирями на весах были только трое. Остальной мир был тем, что взвешивают.

Это делало разрыв окончательным. Догнать шестой уклад можно было только собственным рывком, а любой рывок, который мог бы изменить баланс, рисковал встретить облако дронов над пустыней. Пятый уклад оказался в ловушке: слишком слабый, чтобы на что-то влиять, и слишком опасный, если вдруг усилится. Дипломаты из Анкары, Дели и Эр-Рияда начинали понимать, что единственная политика, оставшаяся им, — выбирать сюзерена и при случае менять его. Этой политикой они займутся очень скоро.

К осени 2031 года мир окончательно разделился — не на богатых и бедных, не на свободных и несвободных, а на тех, кто держит выключатель, и тех, у кого его выключают.

— У вас тоже так было? — спросил Наблюдатель. — Разрыв, после которого отставшие уже не догоняют?

— У всех так бывает. Отставшие становятся материалом. Это не жестокость. Это физика восхождения.

— Но их машина не даёт трём поглотить друг друга. Она не позволит одной горе стать единственной.

— Значит, она не позволит им взойти, — сказал Высший. — Три горы — это хребет. Хребет никуда не ведёт. Ведёт только вершина.

— А те, кто остаётся материалом, — они знают, что они материал?

— Теперь знают. Их женщина из Сан-Паулу им объяснила. Это ничего не меняет.

Наблюдатель долго молчал, глядя на ночную сторону планеты, где огни трёх центров горели ровно, а между ними, на огромных пространствах, светились лишь редкие точки. Одна из них, над Жемчужной рекой, была балконом.

— Тогда скажи мне, — произнёс он наконец, — кто отстал от нас?

Высший ответил не сразу.

— Мы сами, — сказал он. — Именно поэтому мы здесь.

Глава 6. Ядерный порог

Применение было ограниченным, соразмерным и окончательным. — Из заявления Министерства обороны Российской Федерации, 17 ноября 2031 года. На полях экземпляра, хранящегося в архиве Генштаба, чья-то рука приписала карандашом: «Окончательным не бывает ничего».

— Восемьдесят шесть лет, — сказал Наблюдатель. — Столько они продержались после двух городов на южном острове. Меня будили тогда. Я думал, их хватит на сто.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.